

И.М.ШТЫГАШЕВ

**Поездка
Матурского
священника
в Урянхайский край
в 1913 году**

г. Абакан, 2006 г.

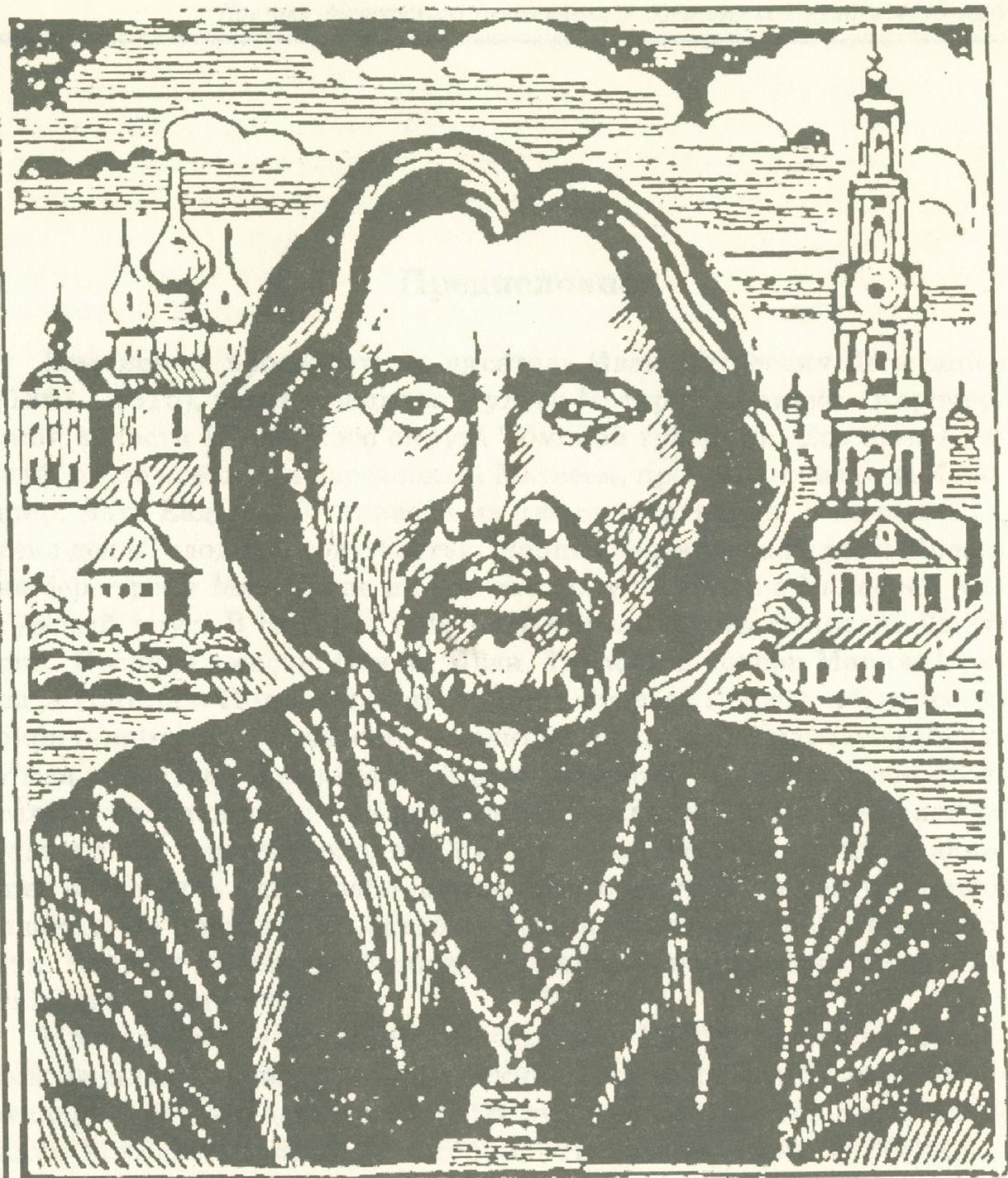
И.М.Штыгашев

**Поездка
Матурского
священника
в Урянхайский край
в 1913 году**

Национальная
библиотека
им. Н.Г. Доможакова
Республики Хакасия

г. Абакан

2006 г.

УДК 27
ББК 86.372
Ш-94

**Поездка Матурского священника
в Урянхайский край в 1913 году**

И.М.Штыгашев

Ш-94 Поездка Матурского священника в Урянхайский край в 1913
году — Абакан. 2006. — 72 с.

УДК 27

© Составитель Гладышевский А.Н.,
к.и.н., доцент

Предисловие.

Миссионер, просветитель, писатель Иван Матвеевич Штыгашев (1861—1915), шорец, родился в улусе Матур Кондомско - Корочерской волости Кузнецкого округа Томской губернии. Его отец Ананий, после крещения нареченный Матвеем, происходил из рода Карашор, мать Евдокия — хакаска из племени сагайцев. В начале XIX века дед в голодный год с частью шорцев перекочевал с реки Мрасса на берег реки Матур, где и образовался у границы с Хакасией Матурский улус. В семье Штыгашевых было шесть сыновей: Дмитрий, Иосиф, Сампсон, Семён, Иван, Тарасий и дочери Мария, Ирина, Агрипина. Под влиянием старших братьев Иосифа и Сампсона, окончивших миссионерское училище, Иван начал изучать азбуку. Имея страстное желание овладеть грамотой, в 1877 г. самостоятельно отправился в училище села Кузедеево за триста вёрст от Матура. На первую половину пути у него имелся спутник, а дальше, оставшись один, заблудился, долго плутал по тайге, горько плакал, но упорство и настойчивость помогли преодолеть трудности. Позднее в своих воспоминаниях он подробно рассказал об этой тяжёлой дороге в школу.

Миссионерское училище в Кузедеево в 1861 г. основал протоиерей Василий Вербицкий — выпускник Нижегородской духовной семинарии. Он был одним из первых русских тюркологов, автор большого количества работ по истории, этнографии и лингвистики алтайцев. В училище Вербицкий обучал инородческих детей Закону Божьему, русской грамоте, арифметике и церковному пению. Иван проявил себя в училище прилежным и старательным учеником. В 1879 г. он как толмач сопровождал начальника Алтайской духовной миссии архимандрита (высший чин монашеского духовенства) Владимира в его поездке по Шории и в Аскизскую Степную Думу к сагайцам.

В Аскизе письмоводитель Думы Ефим Катанов предложил Ивану поработать писарем, дважды с почтой он выезжал в Минусинск. Штыгашев писал: «Время уходило на бесполезную переписку бумаг, я ничего ещё не сделал для себя лично». Через месяц покинул Аскиз, направляясь в Матур, остановился на ночлег в станице Таштып, где казаки ему предложили остаться здесь учителем. Жалованье определили один рубль с ученика в месяц. «Я не только не отказался, но напротив, мысленно радовался, думая, что во-первых, я не буду забывать русского языка, а во-вторых, пополню круг своих собственных знаний». В школе училось девять мальчиков и одна девочка. Затем появились дети из ближайших улусов и число учеников возросло до 19. По окончании учебного года Иван возвратился в Матур и организовал строительство там небольшой часовни. Летом 1880 г. в Матур приехал Вербицкий, освятил часовню и предложил Ивану вместе с ним отправиться в Улалу (ныне Горно-Алтайск) для продолжения учёбы в центральном миссионерском училище. В Улале находилась и резиденция главы Алтайской духовной миссии.

Начальник училища архимандрит Макарий приветливо встретил и благославил юношу. Иван успешно овладел богословскими знаниями и русским языком. И уже через год Макарий доверил ему преподавание азбуки в училище ученикам первого отделения. В 1882 г. воспитанник миссионеров вновь сопровождал Владимира и Макария в их инспекционной поездке по Алтаю и Шории. Вербицкий собирался юношу сделать своим миссионерским помощником. По окончании поездки Владимир объявил, что направляет Ивана в Казанскую учительскую семинарию. Директор семинарии Н.И.Ильминский, из переписки с Макарием, знал об одарённом юноше и просил его направить учиться в семинарию. Три с половиной года И.Штыгашев упорно и настойчиво овладевал знаниями.

Казанская учительская семинария считалась одной из лучших в России. Наряду с богословскими дисциплинами семинаристы изучали: славянский язык, древнюю и новую русскую литературу, русский язык, русскую и всеобщую историю, теорию словесности и логику, педагогику, геометрию, физику, арифметику, алгебру, черчение, чистописание, основы космографии. Казанский период стал

особенно плодотворным в творческой деятельности И. Штыгашева. Уже в первый год обучения Ильминский поручил ему начать перевод из священной истории Ветхого Завета с алтайского языка на сагайское наречие, в следующем году перевод из священной истории с алтайского языка на шорский. Оба перевода как и переведённый им на шорский язык текст «Указания пути в царство небесное» были отпечатаны в Казани. Он помогал Ильминскому в печатании второго и третьего выпусков житий святых на алтайском языке, выполнил работу по печатанию четвёртого выпуска жития святых на алтайском языке. Завершил работу над шорским букварём, к написанию которого приступил ещё до поступления в семинарию. Принял участие в составлении шорского словаря.

В 1884 г. Ильминский представил возможность Ивану, как лучшему семинаристу, совершить поездку по святым местам России. О посещении Киевско-Печерской лавры, Оптины пустынь, храмов Москвы, Троицко-Сергиевской лавры, монастырей и скитов, Иван Штыгашев рассказал в повести «Записки о путешествии алтайца в Киев, Москву и её окрестности» (Москва, типография Волчанинова, 1884, 35 страниц). В «Записках» он сумел передать свои трепетные чувства благолепия, испытанные при посещении христианских святынь. Этот труд юноши можно назвать подробным путеводителем, с краткими историческими экскурсами по особо почитаемым местам Русской православной церкви.

По приезде в Москву, 23 августа Ивана встретил иеромонах Иоль, ведавший миссионерской типографией в Казани. Его Ильминский попросил быть опекуном и экскурсоводом юноши. Миссионерский фонд для текущих расходов выделил Ивану сто рублей. После короткой остановки в гостинице он отправился в Кремль, по дороге Иван переоделся в купленное в торговых рядах Иолием новое драповое пальто и брюки.

В Успенском соборе в тот день вёл службу преосвященный Алексий. «Иолий представил меня владыке. Он благословил нас, очень любезно поговорил и просил Иолия меня завести к нему». В последующие дни Иван в сопровождении Иолия продолжил посещение христианских святынь. В «Записках» описан с указанием числа каждый день путешествия. «25 августа. Поехали в фотографию,

где снялись с отцом Иолием вместе и меня одного. В тот день ходили по торговым рядам Москвы. Были на Кузнецком мосту, во всех пассажах, где видели богатство первопрестольного града, проходя между огромными зданиями, напоминающими мне Алтайские горные утёсы; потом вышли на площадь. Что за огромное здание Большой театр. Потом поехали домой и ходили в московскую баню. В 4 часа отправились на Ивановскую колокольню. С этой огромной колокольни показывается вся Москва, как на блюде, не окинешь взором этот город. Были в Чудовом монастыре, приложились к мощам святителя и чудотворца Алексия. Так как это было накануне воскресного дня, то мы слышали звон к всенощной ко всей Москве, слившись в общий гул он произвёл как бы землетрясение. Вот где видна слава торжествующей Православной церкви! Этот торжествующий звон колоколов делает какое-то необыкновенное на душе потрясение, я не могу выразить, что я чувствовал, слушая оный».

О посещении Большого Кремлёвского Дворца. «Подробное описание этого дворца для меня невозможно, при входе в оный я растерялся, чувствуя, что я иду по тем же ступеням, на которые ступает нога нашего монарха». В оружейную палату вход временно посетителям был закрыт, но для паломника из далёкого Алтая сделали исключение. О посещении храма Христа Спасителя. «Трудно описать внутренность этого прелестного храма. Все иконы написаны необыкновенно живо и рельефно выделяются глаза. Сияния на головах Спасителя и Божией Матери сделаны так ясно, как в природе видишь исходящий свет. Осматривая этот храм, не хотелось выходить из одного, так бы, кажется и смотрел на него не отрываясь. Думаю, есть ли ему подобный другой».

В Саввином монастыре Ивана поразил звон 2200 пудового колокола. «Никогда и нигде я не слышал такого благозвучного колокола раньше, богомольцы будто просят позвонить в него, насладиться его звуком и дают за это деньги, только бы послушать звон этого поистине необыкновенного колокола». Архимандрит монастыря Галактион на прощанье благословил меня образом Саввы, дал четыре книги и по десять экземпляров разных картин для раздачи в Сибири». О Свято-Троицкой Сергиевой лавре. «Мы отправи-

лись в лавру и пошли в собор, где почивают мощи преподобного Сергия. Приложились к оним, мы попросили отслужить молебен, так как в это время народа никого не было, то нам оный и был отслужен очень благоговейно, и я не слышал, кажется мне, никогда так слаженного молебна. Иоль накупил мне виды лавры, образков преподобного Сергия финифтия, кипарисные и на серебре и разных вещей и книжек».

1 сентября состоялась встреча с преосвященным Алексием. «Он принял нас со свойственной ему любовью и снисхождением. Он расспрашивал нас, как мы путешествуем и что видели, понравилось ли мне всё виденное мною, спросил ведутся ли мною записи о моём путешествии и, получив удовлетворительный ответ, советовал их напечатать в Епархиальных здешних ведомостях и так же отправить их в Томск к преосвященному Владимиру. Владыка простился с нами от искреннего сердца троекратным лобызанием меня, ничтожного человека и благословил образом преподобного Саввы, дал ещё на дорогу десять рублей». Выйдя от владыки, направились в Кремль, у часовни Иверской Божией матери увидели как подъехал к часовне на открытой коляске великий князь Константин Константинович с супругой. «При выходе из оной он был встречен иеромонахом в золотом облачении с крестом в руках, которое его высочество поцеловал, а потом взаимно поцеловали друг у друга руку, равно приложилась к кресту и его супруга, вошли в часовню, где приложились ко кресту. Как меня тронуло снисхождение, уважение и покорность великих властителей русской земли перед духовными лицами». Изъявил желание увидеться с юным сибирским паломником высокопреосвященный митрополит Московский Иоанникий, встреча с ним проходила в последний день пребывания в столице. «Владыка, приняв нас, благословил и расспрашивал обо мне. Я поблагодарил его за оказанные благодеяния и получил благословение». В заключение «Записок» пишет: «Так свершилось с помощью Божией давно желаемое мною путешествие, за которое приношу сердечную благодарность миссионерскому обществу в лице его председателя, высокопреосвященного митрополита Московского Иоанникия за его отеческое внимание, помощнику его, милостивейшему архипастырю преосвященнейшему Алексию и руководите-

лю моему, достойнейшему иеромонаху Иолию. Господу угодно было удостоить меня, под Вашим усердным руководством, быть очевидцем святынь России. Все эти местности и достопримечательности были достигнуты для обозрения мною посредством Ваших великих трудов и человеколюбия, за которые я и посвящаю сии мои записки Вашему имени». О каждом дне путешествия Иван вёл записи. «2 сентября я исключительно весь день занимался приведением в порядок своих записей». 5 сентября он покинул Москву и уже к 10 сентября завершил работу над «Записками», что подтверждается подписью: «Житель Алтая, воспитанник Казанской учительской семинарии, шорец, Иван Матвеевич Штыгашев. 1884 год, 10 сентября». Удивительно как он, ещё недавно овладевший русским языком, уже оказывается хорошо владел пером.

Совместно проживая и близко общаясь с Иваном, Иолий расспрашивал его о Шории, Матуре, родных и близких, годах учёбы, Иолий так заинтересовался услышанным, что советовал Ивану обо всём написать повесть. И вскоре она была написана и напечатана «Поступление в училище и продолжение учения шорца (алтайца) Ивана Матвеевича Штыгашева». Казань, издание иеромонаха Иолия, 1885, 116 страниц. (В 1998 г. была переиздана в Горно-Алтайске).

Книга открывается обращением к Иолию: «Пользуясь Вашим вниманием и любовным отношением к миссионерским делам, рассказал Вашему Высокопреподобию в кратких словах о своей родине и первоначальном обучении грамоте. Вы тогда благословили меня изложить это на бумаге, и теперь великодушно дали средства издать мою рукопись. Считаю себя обязанным посвятить этот правдивый мой рассказ Вашему имени, в знак моей искренней благодарности к Вашему Преподобию».

В начале в книге речь идёт о том, что про книжное учение «наши старики» получили понятие совсем недавно, благодаря почину моего отца, отправившего старшего брата Сампсона в школу. Хотя они не презирали учение, тем не менее опасались в отношении своей религии. Ульген на нас наложит свой гнев, говорил народ про моего брата. Но отец мой был настойчивый человек и глубоко убежденный в важности грамоты. Из такой-то среды судьба избрала меня учиться грамоте. Вот каким образом был впущен корень уче-

нья грамоте в матурскую почву. Много ли времени прошло с тех пор, как оно началось, а народ стал смотреть на него иначе: теперь есть много родителей, желающих учить своих детей. Что касается крещения, то матурцы были давно крещены, они сами даже не помнят когда были крещены. Священники при крещении им ничего относительно языческих обрядов и христианских правил не говорили, тем дело и кончено. Многие из них не знают, как их христианское имя и когда крестились».

По обычаям младший сын обязан оставаться при матери (отец к тому времени умер во время эпидемии холеры), младший сын Тарасий был малолеткой, то «я сделался в нашей семье оберегателем старухи-матери». Мать и близкие родные, особенно под влиянием соседей, решительно возражали против моей поездки в училище. С большим трудом удалось уговорить мать. Иван пишет: «не могу вспомнить без слёз о безнадежной грусти матери из-за меня. Вставши с постели, она в потоке слёз сказала мне несколько слов о том, что я её немилосердно покидаю, что она будет терпеть крайнюю нужду, затем сказала «эзен пол балам» — будь здоров дитя моё!» «Кудай — была» (с богом). Далее автор подробно рассказал о трудностях, пережитых им по дороге в Кузедеево. «При общем смятении во время моего отъезда, я не догадался взять ни ружья, ни топора, ни даже ножа, необходимых для путешественников по тайге. Впрочем, я о них не нуждался до половины пути, по милости своего спутника. Денег я имел всего 1 р. 40 копеек, и одежды моей не могло хватить на год: но мне было не до них: я думал об одном — как скорее выбраться из дома».

Через три дня пути Иван остался один. «При первом въезде в лес я со страшным испугом увидел следы медведей! Некоторые из этих следов только что были проложены через дорогу. Стояла мёртвая тишина, нарушаемая только моим криком, который я выпускал на разные голоса, как будто в лесу было несколько человек, перекликающихся между собой: этим я думал испугать медведей и заставить их обратиться в бегство! При малейшем шорохе листьев волосы мои становились дыбом от страха, и я трепетал всем телом. Треск сучьев для меня казался приближением медведя. Едучи по этой страшной для меня дороге, я чуть-чуть не повернул назад —

домой. Я совсем уже находился во власти этой мысли и хотел было вернуться, отъехавши от дому более 200 вёрст. Я уже, остановив свою лошадь, колебался, не зная куда ехать — вперёд или назад. Плакал, рыдал, раскаивался в том, что не послушался совета своей матери, наконец, в отчаянии закричал: «Э, Куда, мен кайтым?» (Господи, что мне делать?). Вдруг, по произнесении этих слов, во мне заговорил другой, давно знакомый голос, чуть не произнося вслух следующие слова: «учиться надо тебе — хорошим человеком будешь!» О, да какой степени уладила меня эта неожиданная мысль. С такими благими мыслями я храбро продолжил путь вперёд, и к вечеру благополучно приехал в аал Калар».

До следующего аала было 30 вёрст, ему объяснили как ехать «там держи направо, там сверни налево, а там проезжай прямо». Следуя направлениям каларцев, Иван вскоре перестал ориентироваться куда ехать. «Потеряв всякую надежду выбраться на какую-либо дорогу, я предпочёл лучше ехать поперёк, целиком, ехал-ехал я, блуждал, блуждал, и наконец, выехал на тоже самое место, откуда отправился! Что делать, куда ехать? Между тем солнце склонялось уже к вечеру. У меня ничего не было с собой — ни хлеба, ни огнива, ни спичек. А главное, в довершение всех этих бедствий, полил проливной дождь. Я как сумасшедший, замотался во все стороны, но ничего не добился. Нет возможности вполне выразить на бумаге моё тогдашнее положение. Рыданиям и слезам моим не было конца: благо, не было свидетелей — можно наплакаться вволю. Утомлённый до крайности я, наконец, лёг под дерево: но ни отдых, ни сон не приходили, я раздумывал о том, что мне делать, как вдруг пришла мне в голову мысль — подняться на ту гору, вершина которой видна была мне сквозь деревья и до которой было не более трёх или четырёх вёрст. На этой горе я нашёл своё спасение. Когда я с трудом добрался до вершины горы, взор мой встретил на противоположной её стороне один аал, дорога к которому шла пониже от меня не более как в десяти саженьях, по другую сторону горы. Как стрела полетел я по найденной дороге и, с наступлением вечерних сумерек благополучно доехал до аала.

Далее в книге приводятся сведения об учёбе в Кузедееве и центральном миссионерском училище в Улале. Отъезд в Улалу вновь

осложнился протестами матери. Ещё ранее мать чтобы удержать сына дома хотела Ивана женить. В этот раз Иван заявил матери, если она его отпустит, он готов жениться, но при условии невеста должна ждать до окончания училища. Мать с братом Сампсоном сосватали невесту в Сейском улусе Анну Патандаеву «инородку круглую сироту от русской матери, которая отличалась прекрасными душевными качествами, умом и добродушием. Она будучи чужда всякого жеманства и кокетства, прямо изъявила своё согласие. Сватовство происходило после моего отъезда». При этом стороны договорились, если жених или невеста не выполнит взаимных обязательств, то платит за это сто рублей. От предложения поехать на учёбу в Казань, Иван со слезами на глазах отказался, сославшись на необходимость вернуться домой, где после окончания училища его ждёт невеста. Макарий, расспросив о невесте и узнав, что она старше на два года, сказал: «Ожидать её тебя не годится и если же её родные потребуют 100 рублей, то он заплатит эти деньги из своего жалованья». В письме Патандаевой я написал, о том, что по воле начальства отправляюсь в Казань на три года, но ей отнюдь не изменяю». Видимо, вскоре после получения этого письма, она вышла замуж за таштыпского казака Еремеева и отказалась от всякого денежного вознаграждения. (Создаётся впечатление, что Иван не только не встречался с Патандаевой, но и вообще её не видел. А.Г.)

27 июля 1882 г. Иван в группе из семи человек — поступающих в семинарию и возвращающихся с каникул семинаристов выехал из Улалы в Казань. Путь следования проходил через Бийск, Томск, Тобольск, Тюмень, Екатеринбург, Пермь. Поездка одновременно носила и ознакомительный характер, с остановками в городах посещения там церквей и местных достопримечательностей. В общей сложности с переездами и остановками увлекательное путешествие продолжалось 24 дня, о чём подробно Иван и поведал в своей книге.

Далее в книге речь идёт о Казани и учительской семинарии. В то время в Казани насчитывалось 125000 жителей и до 50 церквей, несколько учебных заведений: университет, духовная Академия, ветеринарный институт, учительский институт, три мужских и две

женских гимназии, Родионовский институт благородных девиц, много татарских мечетей. Учительская семинария располагалась на берегу озера Кабана в большом четырёхэтажном здании. На первом этаже находилась столовая, людская и пекарня, на втором квартира директора, законоучителя, эконома, больница, канцелярия вместе с библиотекой и помещение швейцара, на третьем этаже семинарская церковь, первый, второй и третий классы и учительская, на четвертом этаже спальни для воспитанников, гардеробная, физический и зоологический кабинеты. В отдельных помещениях располагались мастерские: переплётно-футлярная, физико-механическая, столярно-модельная и кузница. Обучалось в семинарии 150 человек, половину из них набирали из инородцев. В столовой и классах воспитанники сидели по алфавиту. Правила внутреннего распорядка: в 6 часов подъём, в 7 молитва, 7-30 завтрак, до его начала и после окончания молитва, такой же порядок после обеда и ужина. Занятия в классах начинались в 8-30. После обеда отдых или работа в мастерских. В 5 часов вечерние занятия в классах, ужин в 8-30, в 9 вечерняя молитва, в 10 все ложатся спать. В течение дня вход в спальни запрещался. Уходя в город, воспитанники должны были получить разрешение у дежурного наставника, и по возвращении обязаны к нему вернуться.

По окончании учебного года, 12 мая воспитанников распустили на каникулы. «Все воспитанники, как птицы, вырвавшиеся из тесной клетки, спешили домой. Мы по отдалённости родины, не могли ехать домой на вокат. Директор известил нас, что мы отправимся в Раифскую⁹ пустынь». (Монастырь или скит, находящийся в отдалённом пустынном месте). Раифская пустынь, окружённая сосновым лесом, располагалась на берегу большого озера в 30 верстах от Казани. Настоятель пустыни игумен Вениамин приветливо принял прибывших сюда семинаристов, распорядился утром и вечером им ежедневно давать молоко и приходить на общую трапезу с братией обедать и ужинать. «Первым долгом я составил себе инструкцию, которую и старался выполнять.

1) Утром встать в 7 часов и, умывшись, прочитать из Евангелия по указанию.

2) В 8-30 идти к обедне, которая в монастырях совершается ежедневно, после обедни пить чай.

3) От чая до обеда заниматься переводом с алтайского на шорский.

4) После обеда до трёх часов заниматься чтением книг религиозного содержания, выданных нам настоятелем Раиф.

5) После трёх часов, напившись чаю, до ужина (до 7 часов) гулять в лесу или кататься на лодке.

Так, по раз заведённому порядку проходили незаметно и благополучно дни за днями». В конце июля он почувствовал боль в груди и слёг в постель. В обители иеромонах, сведущий по медицинской части, отсутствовал на месте. Иван натёр себе грудь свиным салом, которым мазали сапоги. Не помогло. Прибывший иеромонах приложил к груди горчичники, они только немного помогли. Тогда Иван за помощью обратился к великомученику Пантелеймону, нашёл акафист (хвалебное песнопение в честь Господа, Божией Матери или святого, исполняемое стоя). «С того дня, как прочитал я акафист, стал я поправляться здоровьем, и печальное моё положение заменилось несказанной радостью». Книга завершалась словами: «Заканчивая это немудрое, но правдивое повествование о прошлой своей жизни, я не могу не выразить ещё раз самой искренней своей благодарности Алтайской духовной миссии за то, что она призрела меня и вывела из мрака невежества на стезю истины и света. Считаю священным своим долгом по окончании курса в учительской семинарии посвятить свои знания, все свои силы и всю свою энергию христианскому просвещению простых и бесхитростных сердцем своих соплеменников — жителей дорогой моей родины, снежного — горного Алтая. Аминь». В апреле 1885 г. И.Штыгашев закончил семинарию, получил свидетельство «Удостоен звания учителя начальной школы» и выехал в город Бийск к Макарию, назначенному в 1884 г. епископом Алтайской духовной миссии. Он направил его учителем в Матур. Маленькая школа там находилась в непригодном помещении, и занятия проводились только в тёплое время. Поэтому сразу же встал вопрос о строительстве школьного здания. Средства на это пожертвовал таштыпский купец второй гильдии Д.И.Иванов, изъявивший желание

быть её попечителем. Как записал в дневнике Штыгашев «работа шла очень успешно, после Ильина дня 1885 г. благодаря Бога перешли в новый дом». В школе имелись четыре изолированные и две проходные комнаты, квартира учителя, кухня. Обучалось в школе 13 мальчиков и 5 девочек. Впоследствии число учеников достигло 50. Занятия начинались в 8 часов и продолжались до обеда, в 12 часов обеденная трапеза, затем два часа отдыха и с 2 до 4 часов продолжение занятий. До и после занятий читались правила с тропарями и кондоками (жанры церковной гимнографии — музыкально-поэтические комментарии и богослужебные чтения Ветхого и Нового Завета). Затем ученики клали три земных поклона: за начальника Алтайской духовной миссии, за успехи в учёбе и усопших родных. В 1887 г. Матур посетил Макарий, ставший к тому времени епископом Томским и Алтайским. В сопровождении епископа Енисейского и Красноярского Тихона он встретился с прихожанами церквей Таштыпа, Аскиза и Усть-Еси. В поездке по Хакасии Макария сопровождал И.Штыгашев и священник Усть-Есинской церкви Николай Катанов.

В 1888 г. на средства Иванова в Матуре была построена небольшая церковь во имя великомученика Дмитрия Солоунского. В следующем году Макарий возвёл Штыгашева в сан дьякона, затем священника и рукоположил в Богоявленскую церковь Кондомского прихода. Здесь плодотворная миссионерская деятельность отца Иоанна продолжалась 5 лет. Он рассказал о ней в «Записках Кондомского миссионерского священника И.Штыгашева за 1894 год». (Томские епархиальные Ведомости. №10, 1985) и в «Записках миссионера Кондомского отделения Алтайской миссии священника Иона Штыгашева за 1895 год» (там же, №9, 1896). В первой публикации, он, в частности, сообщил, что находясь в улусе Торгачаковском «решил остаться на несколько дней для сбора сведений, требуемых Западно-Сибирским отделом Императорского географического общества». Какие сведения он собрал и были ли они опубликованы? В каталоге Минусинского Мартыановского музея под номером 12475 значится — И.Штыгашев. «Предания инородцев Кузнецкого округа о сотворении мира и человека». Видимо, это и есть подготовленная статья для З-С отдела ИГО. К сожалению в каталоге не

указывалось в каком году и где публиковался этот материал. В библиотеке музея этой работы не оказалось. Однако, основное содержание публикации удалось извлечь из статьи М. Чельцова «Религиозные верования алтайских инородцев Кузнецкого уезда Томской губернии» (Православный Вестник. № 10, 1907); где Чельцов ссылается только на Штыгашева. Учитывая, что отдел Западно-Сибирского отдела ИГО находился в Омске, искать публикацию надо было там. И действительно большая статья «Предания инородцев Кузнецкого округа о сотворении мира и первого человека», опубликована в Записках З.-С. ИГО. Книжка XVII, выпуск 1, Омск, 1884, 12 стр. В книге из духовного наследия Алтайских миссионеров, где помещён список печатных трудов Иоанна, данная работа не названа.

С образованием в 1905 г. Матурского церковного прихода отец Иоанн вернулся в Матур. Матурский приход являлся самым отдалённым станом Алтайской духовной миссии, располагался на границе с Енисейской губернии, село Матур находилось в 40 верстах от Таштыпа. В состав прихода входило семь небольших улусов: Тлачек, Балык, Килчек, Кулан, Анжуй, где проживало около 500 шорцев, сюда были приписаны прихожане одиннадцати улусов с населением 1500 человек — сагайцев. Но эти улусы административно входили в состав Минусинского округа, т.е. Хакасии. Таким образом, будучи станом Алтайской миссии, Матурский приход формально мог считаться отчасти и хакасским. В 1906 году приход посетил епископ Бийский Иннокентий, назначенный начальником Алтайской духовной миссии. О пребывании Иннокентия отец Иоанн рассказал в публикации «Поездка Преосвященного Иннокентия, епископа Бийского, на Матур» (Православный Благовестник. 1906, № 16). Иннокентий разрешил старое церковное здание перенести на более сухое место и расширить его площадь. Однако перестройка на длительное время могла прервать церковные службы, поэтому решили строить новую церковь. Первоначального капитала на стройку имелось всего 165 рублей. Сбор добровольных пожертвований осложнился тем, что в это время вёлся сбор на капитальный ремонт соседней Таштыпской церкви. Отец Иоанн обращался за помощью к золотопромышленнику И. Кузнецову, отдельным состоя-

тельными лицам, у одного богатого инородца пришлось даже занять в долг 400 рублей. На окончании стройки ассигновал 500 рублей епископ Макарий. Завершилось строительство в 1909 г. Освящение церкви состоялось в июне, а 22 октября она сгорела от неисправности трубы, от такого горя отец Иоанн слёг и полгода болел. Чтобы поддержать больного, миссия направила в Матур сына Михаила, закончившего к тому времени два курса Томской духовной семинарии.

Петербургский купец Усов, прочитав в журнале «Православный Благовестник» о сгоревшей церкви и болезни священника, решил восстановить храм в Матуре, о чём уведомил епископа Макария и отправил ему пять тысяч рублей серебром. Он также заказал для церкви иконы и приобрёл всю необходимую церковную утварь. Строитель подрядчик Рехлов выбрал проект церкви с колокольной «о семи главках с фонариками» проектной стоимостью восемь тысяч рублей. На завершение строительства денег не хватало, и Усов выделил необходимую сумму. В 1912 г. церковь была построена и освящена во имя Святой Живоначальной Троицы. На освящение церкви приехал епископ Макарий. Церковная служба при освящении велась Макарием на алтайском языке (в сослужении с ним отцом Иоанном на шорском и аскизским священником Владимиром Кузьминым на сагайском языке).

В семи верстах от Матура, по благословлению Макария в 1911 г. был основан женский монастырь во имя Иверской иконы Божией Матери, с престолом в честь сошествия Святого духа. На строительство храма с колокольным звоном в сто пудов, двух домов для сестёр, средства ассигновал Усов. Возглавила женскую обитель, где проживало семнадцать насельниц, рясофорная послушница Томского Иоанно-Предтеченского монастыря Анна Ямова. На освящение храма прибыл епископ Томский и Алтайский Мефодий. К тому времени Макария святейший Синод возвел в сан митрополита Московского и Смоленского. Направляясь в монастырь, Мефодий сделал краткую остановку в Аскизе и Усть-Еси, где его встречали священники Михаил Копосов и Стефан Семёнов. Вместе с Мефодием они отправились на освящение, которое состоялось 23 июня 1913. Как сообщал журнал «Православный Вестник», на

торжества по этому случаю из ближних и дальних мест собралось около пяти тысяч человек.

У отца Иоанна и его жены, таштыпской казачки Пелагеи Петровны Зыряновой было шесть детей: Михал, Таисия, Валентина, Антонина, Зоя, Пётр. За годы своей миссионерской деятельности отец Иоанн обратил в христианскую веру около девятисот человек. Епископом Макарием был награждён набедренником (часть облачения священника, который носится на длинной ленте у бедра) и скуфией (головной убор, шапочка чёрного или фиолетового цвета, фиолетовая скуфия из бархата даётся как награда). От священного Синода имел благославления и Ставленные грамоты, высочайше награждён орденом «Святой Анны» третьей степени.

Через Матурский приход осуществлялась оживлённая связь Алтайской духовной миссии с миссионерами церковью Хакасии. Макарий, бывавший в Матуре, как правило, одновременно посещал Таштып, Аскиз и Усть-Есь. Близкие пастырские отношения у Иоанна сложились со священником Николаем Катановым. Они неоднократно встречались, обменивались опытом миссионерской деятельности. Н.Катанов был первым из священников Енисейской губернии, осуществивший переводы богословских текстов на сагайское наречие. Он автор ряда публикаций в журналах «Православный Благовестник» и «Енисейские епархиальные Ведомости», создал сагайский букварь. Енисейские епархиальные Ведомости отмечали, что из 14 инородческих приходов Енисейской губернии Усть-Есинский приход, единственный, в котором делаются небезуспешные попытки совершенствования богослужения на родном инородческом языке, на этом наречии отчасти и ведется преподавание в местной церковно-приходской школе». Ильминский в переписке с Макарием назвал Катанова «самым выдающимся, может быть, и единственным миссионером в Минусинском крае».

В 1913 г. Епископ Иннокентий отправил Иоанна с миссионерской целью в Урянхайский край. Путешествие по Урянхаю, продолжавшееся более полутора месяцев сильно подорвало здоровье Иоанна. 13 ноября 1915 г. он умер, похоронен около церкви в Матуре. После революции Иоанн Штыгашев оказался на долгие годы забытым. Впервые о нём современный читатель узнал из книги «Из

духовного наследия алтайских миссионеров», изданной в 1989 г. в Новосибирске. Там названы имена самых выдающихся миссионеров Алтайской миссии и среди них и Иоанн Штыгашев. Подвижническая деятельность миссионера, просвятителя, писателя отца Иоанна Штыгашева оставила глубокий след в истории Алтая, Шории и Хакасии.

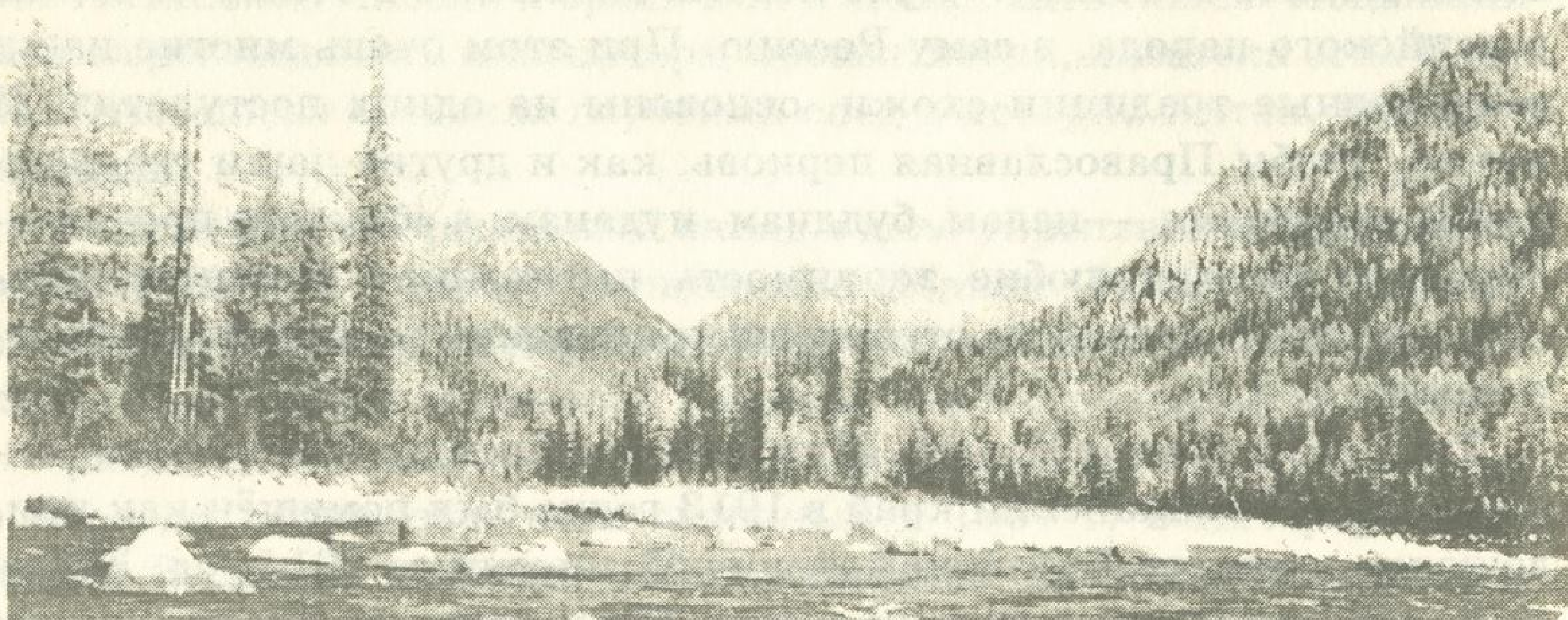
В наши дни значительный вклад в дело укрепления православия в Хакасии внёс правнук священника Иоанна, Владимир Николаевич Штыгашев — Председатель Верховного Совета Республики Хакасия, инициатор создания в Хакасии самостоятельной епархии. В его рабочем кабинете висит ценная семейная реликвия, как память о прадеде - барометр, изготовленный в 1897 г. в Петербурге. От имени Верховного Совета и Правительства Хакасии была направлена соответствующая просьба патриарху Алексию и Священному Синоду. В 1994 г. В.Н.Штыгашева, в сопровождении представителя Хакасии при Президенте России Б.С.Майнагашева и советника правительства по делам религии Н.С.Волкова, принял в своей резиденции Патриарх Алексей. 18 июля 1995 г. Священный Синод постановил: «Образовать Абаканско-Кызыльскую епархию из прихода Красноярской епархии и приходов Новосибирской епархии, находящихся на территории Тувы».

В последние годы в Хакасии стали проводиться родовые съезды. На них собираются представители одной фамилии, считающие себя как близкими так и дальними сородичами. Хакасы бережно хранят память о своих предках, многие из них, особенно старшего поколения, знают предков до 7, 8 колена. Род по хакасски сеёк означает кость. И такое название не случайно, так в прошлом счёт родства вёлся по руке: первая фаланга — я, вторая фаланга пальца — отец, третья — дед, четвёртая - прадед и т.д. Летом 2005 года такой родовой съезд В.Н.Штыгашев организовал в Матуре. На него прибыли Штыгашевы из Новосибирска, Красноярска, Абакана, Таштыпа. Атмосфера тёплого дружеского общения сородичей, а некоторые из них здесь впервые встретились, и то что они узнали от Владимира Николаевича о жизни и подвижнической деятельности Иоанна, посещения музея, произвели на всех огромное впечатление. Владимир Николаевич поделился своими планами восстано-

вить на прежнем месте в Матуре часовню. На встрече в Матуре о православии он сказал: «Православная вера для нашего народа имеет важное значение. Через неё мы вписались в большую семью русского народа, в саму Россию. При этом очень многие наши религиозные традиции схожи, основаны на одних постулатах. И важно, чтобы Православная церковь, как и другие наши традиционные верования — ислам, буддизм, иудаизм, в обществе пропагандировали человеколюбие, терпимость, почитание к старшим, заботу о младших, стояли на страже возникновения религиозного экстремизма».

Труд священника Иоанна Штыгашева «Поездка Матурского священника в Урянхайский край в 1913 году» был помещён как приложение к отчёту Алтайской духовной миссии за 1914 год. Кроме двух небольших отрывков из него в Православном Благовестнике (№3,4, 1915) нигде целиком не печатался. Это целое исследование, охватившее широкий круг вопросов, характеризующих историю и состояние того времени, ранее мало известного Урянхайского края. Историко-этнографический труд отца Иоанна, видимо, был одним из первых, если не самым первым в отечественной исторической литературе об Урянхее, остающимся до сих пор по сути неизвестным историком.

*А.Гладышевский,
кандидат исторических наук, доцент,
заслуженный деятель науки Республики Хакасия.*

В отчетном году по нашему распоряжению Матурский миссионер, священник Иоанн Штыгашев совершил поездку с целью проповеди Евангелия за пределы Алтая, в Урянхайский край, к сойотам. Ввиду особенного интереса этой необычайной поездки в чужой край, мы приводим здесь целиком его, о. Штыгашева, записки об этой поездке.

На путешествие в Урянхайский край меня командировало миссионерское Начальство с миссионерской целью. Билет на это путешествие выслан был мне еще в феврале месяце с.г. Императорским Консулом на русско-монгольском языке из Улясутая. Ямщика взял с места на всю поездку с 4 лошадьми и одного из учителей в качестве псаломщика. С совета опытных людей мы на месте запаслись теплою одеждой, потому что путь предстоял через снежные горы. Для лошадей в запас взяли подковы, клещи, гвозди и молоток, ибо на камнях и урониках подковы ни дня не выдерживают, истачаясь, ломаясь и отлетая. Собираясь таким образом, мы, между тем, не имели знающего к сойотам дорогу — вожака, без которого нечего было и думать пуститься на неизвестную нам страну чрез страшные бомы. С Матура сроду никто туда не ездил. Я искал проводника в русских деревнях, но не находил и там знающих дорогу. Наконец

послал нарочного в некую деревню Арбаты, где, как слышно было, есть бывалые на Кемчике люди, но и тут к рабочей поре никто не согласился проводить нас. Один было взялся провожать нас на своем коне, но не дешевле 4 руб. в сутки. Это возмутительно! Только одному проводнику в месяц 120 руб. плати. А сколько надо ямщику с 4 лошадьми со вьюком. Теплое время шло, а мы выехать никак не можем из-за проводника. Правда, нужда — хороший учитель, она найдет исход. Я слышал, что сойоты в это время почти всегда промышляют в горах Абаканского бассейна. Посему решил я ехать на «авось». Направились через Кизас и Анзас, где имеются молитвенные дома, надеясь попутно служить обедни и исполнять другие требы и там же скорее разведать про сойотов.

Итак, мы трое 27 июня пустились в неведомый нам путь после напутственного молебна. Приехали на Пророко-Ильинский прииск: я первым делом позаботился об отыскании сойотов, сейчас же распорядился послать на розыск сойотов знающего человека в горы. Не обмануло нас предположение наше. Посланный нам привел шесть сойотов! Сойотам, конечно, не хотелось расстаться с выгодной для них охотой на маралов с дорогими рогами, медведей, коз и др., но все-таки наконец трое из них согласились вернуться с нами домой, т.е. проводить нас до своего аила за Кара-Кулем (за Черное озеро), если мы возместим их потерю на охоте. Раз если нам надо непременно ехать, то не стали мы долго рядиться, назначив им, по их невзыскательности — хорошее вознаграждение, а по нашему очень дешевое. Они нас просили только об одном, чтобы мы их не стесняли, если дорогой им придется на ночлегах где и поохотиться. Мы им ни в чем не перечили, отдаваясь в полную их власть, находясь в зависимости от их желаний, в противном случае они могли куда угодно завести и где угодно бросить нас дорогой.

Все трое эти сойоты были ловкие молодые люди. Одного из них звали Катыгай, 21 г. от роду, другого Амчиль, 27 л и третьего Шакпияк, 31 г. Сойоты отчества и фамилии не носят, а только имя и название волости. Наши проводники были волости Кертке-сойона (сума). В тот же день они съездили за своими вещами в горы. К счастью нашему сойоты оказались людьми набожными: во время богослужения — всенощного, литургии и крестин они не вы-

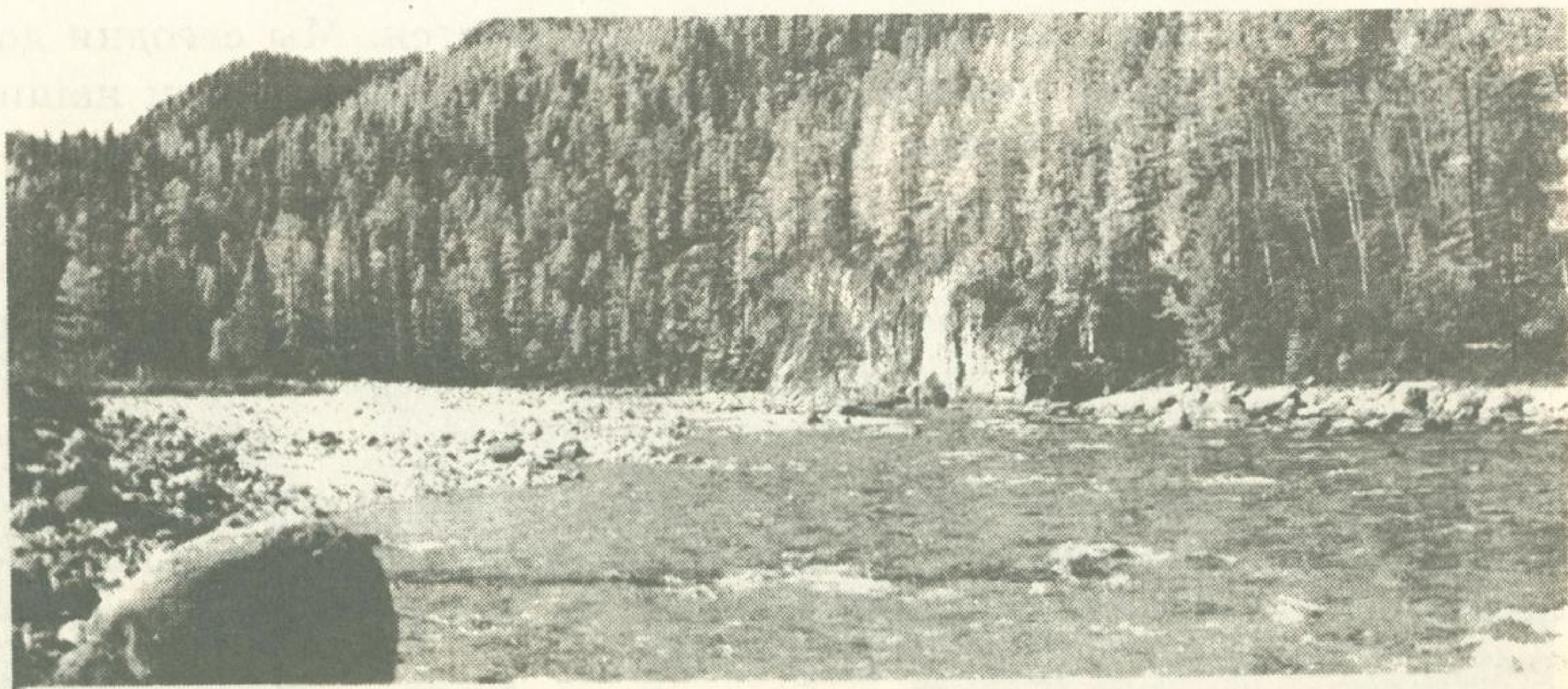
ходили из церкви. В церкви они купили себе крестиков и надели на свои шеи. Ехать с сойотами нам было выгоднее тем более, что мы могли во время длинной дороги от них лучше научиться говорить по-ихнему и получать от них разные сведения об их стороне, жизни и быте. Не более 8 верст отъехавши от стана, мы начали взбираться на белок, именуемый Шаман. Это — громадный белок, с которого вид раскрывается, особенно на южную сторону, на невероятную даль. Поистине картина очаровательная. Отдаленные горы в синеве неба кажутся двухэтажными; седые их головы выше облаков высят. День был теплый и ясный, хотя при обычном на Таскылах ветре, поэтому нам ничто не мешало разглядывать и наслаждаться видом этих чудных нерукотворных картин. Я спросил у сойотов, куда мы поедem и по какому направлению их айлы? Они указали нам: «вон, видите эту высокую белую, одиноко стоящую гору, что выше и дальше всех? За этой горой есть большое священное озеро «Кара-Куль» (Черное озеро). Вот за этим озером, мы в разных местах и живем. Отсюда глядеть близко до этой горы, но ехать придется долго. Гора эта останется направо».

Указанная сойотами гора, с конической вершиной, стояла от нас прямо на юг. Неохотно расстались мы с таким зрелищем. В тот же день на ночлеге сойоты убили одного трехлетнего медведя. В следующие дни еще двух коз. Ехали совсем без дороги, часто поднимались на невероятно высокие таскылы, где дуют постоянно холодные ветры. Приходилось до спуска опаздывать, а ночевать на таскыле, где нет ни дров, ни кормов. После этого спускались в какую-нибудь пропасть, где ломя, шумя, неслась какая-нибудь бешеная речка с белков, чрез которую нет возможности переехать. Один из таких переездов, именно через бешеную реку Таелу, заставил нас пожертвовать сумами с запасами, чайником и чашками. А одно ужасное приключение с вьючной лошадейю чуть было ямщика с ума не свело.

Случилось же это так. Над рекой Кабан-Сугом высится высокий каменистый косогор, по которому без риска нельзя проехать. Обехать же его негде. Сойоты, как олени, погнали своих лошадей вперед, а сами ушли за ними пешком. Делать было нечего и мы последовали их примеру. Я полз на костыле после всех. Когда сред-
русских деревнях, я не находил и там выхваченную дорогу. Наковы-

дину косогора миновали, вдруг ямщик отчаянно закричал: «О, бедная моя лошадь пропала!» Я успел только разглядеть мелькнувшую под гору голову лошади. Она со вьюком слетела с узкого следа сойотов, не могши свободно пройти по нему. Внизу под горой стрелой неслась река. Ямщик сейчас же с псаломщиком пошли в обход. Но на счастье наше лошадь каким-то чудом спас бывший на ней вьюк, который, не долетевши до реки не более сажени, зацепился за большой острый камень и этим остановил полет коня.

Лошадь только ушиблась в ногах, так что едва шагала, да еще пропорола себе в пахах. Но зато здорово поплатились наши вьючные ящики с книгами, бумагами, облачением и словом со всеми для нас и для дела важными и необходимыми вещами. Они разбились вдребезги! Ямщик наш едва опомнился. Рассеянные по камням вещи кое-как собрали. Чернильница и вообще такие хрупкие вещи разбились на мелкие куски. Некоторые мелочи не нашли в камнях. Коня и вещи кое-как, с трудом выручили с места катастрофы. Пришлось ночевать тут же, чтобы и самим починиться, и коню дать немного поправиться. Подковными гвоздями ящики не могли привести в порядок, поэтому вещи разместили по сумам, а из сум грубые вещи переложили в мешки. Тут как нарочно лил сильный дождь с грозой. В этом пустынном вертепе ни дров сухих, ни удобного пристанища нет, кроме громоздящихся камней, поэтому ночлег этот надолго останется памятным для нас. Сойоты, отъехав верст 6-7, хватились нас, сейчас же вернулись к нам обратно.

Только на 5-й день после таких трудных и опасных переездов чрез русско-сойотские горы, по выезде из Кузаса, мы, наконец, очутились на невероятно высоком боме Сурдабе, составляющем водораздельный угол между бассейнами рр. Аны, Кемчика и Кантегира. По этому хребту и проходит грань двух великих держав, Российской и Китайской, в ознаменование чего и выложены тут рядом два громадных каменных кургана со столбами в середине. Один из них обращен в китайскую сторону, а другой в нашу. Стоя на такой высоте, при виде разделяющих два исполина, Россию с Китаем, знаков и окружающих на необозримые даль и ширь, не рукой смертных художников писанных, картин природы, у кого сердце трепетно не забьется и кто с радостью не вспомнит слова 103 псалма. В эти восторженные минуты созерцания все ужасы и мучения, понесенные нами дорогой, были забыты. Подумаешь, куда раскинулось наше Русское Государство и сколько сладких и горьких воспоминаний возбуждает оно в сердце. На какую сторону ни взглянешь, везде необозримое царство не выразимого величия Божия виднеется. Как дивно, что с обеих сторон двух великих держав на бесконечную даль сверкают на солнце волнообразные, различных форм, ряды вершин гор, вечно безмолвно свидетельствующих о прошлых и настоящих событиях сей великой страны.

В Урянхайской стране с Запада на Восток тянулась ослепительной белизны, как серебряная от снега, бесконечно длинная гряда гор. «Кемчик еще за этими горами», — объясняли наши вожаки. — «А Кара-Куль, про которое мы уже вам говорили на Шамане, находится вон там, где провал в горах виднеется. Мы сегодня до него дойдем. Тут же первый сойотский аил», — пояснили наши проводники. Мы уже теперь спускались на давно желанные урянхайские долины. Сердце мое сжималось и поднывало при виде пред собой той незнакомой страны, куда зачем-то нас отправили, не снабдив нас ни руководством, что нам делать, ни указанием, куда нам ехать. «Урянхай, Урянхай» и только. Ведь Урянхай страна и по количеству народонаселения и по пространству не маленькая. Находясь с горстью знакомых сойотов в хороших отношениях, нельзя ни на какую выгоду рассчитывать вперед относительно возложенного на меня столь важного дела. Располагать к себе можно

любого урянхайца и быть ему другом, но оно к делу мало относится, может служить только некоторым воспомоществованием. Надо вперед знать, что Урянхай в деле христианского просвещения — край непочатый, со множеством лам, шаманов и гадателей. Урянхайский пограничный округ состоит из 5 уездов (хочум), в каждом от 5 до 16 волостей (сума). Жителей обоего пола до 70000 душ; по одному только левому берегу Кемчика насчитывается до 7 $\frac{1}{2}$ тысяч юрт. Одних горных волостей с левой стороны Кемчика более 5, а именно: 1) Кертек-Сойон; 2) Карасаль; 3) Салчак; 4) Ирбит и 5) Кучугет. Уездом управляет «нойон», вроде русского генерала, с правом даже казнить виновника. Волостью правят: 1) «чайзан», 2) «мерген», как мировой судья, 3) «кинъча» или «демича» — чиновник по кредитной части; 5) «тарга» (собиратель податей) вроде нашего сельского старосты и, наконец, 6) помощник его. Вот куда мы ехали. Тут не у себя дома открыто и смело проповедовать слово Божие, а надо прежде подумать, где и с кем я. Любезные наши проводники очень желали, чтобы мы объехали их «чайзанов» да

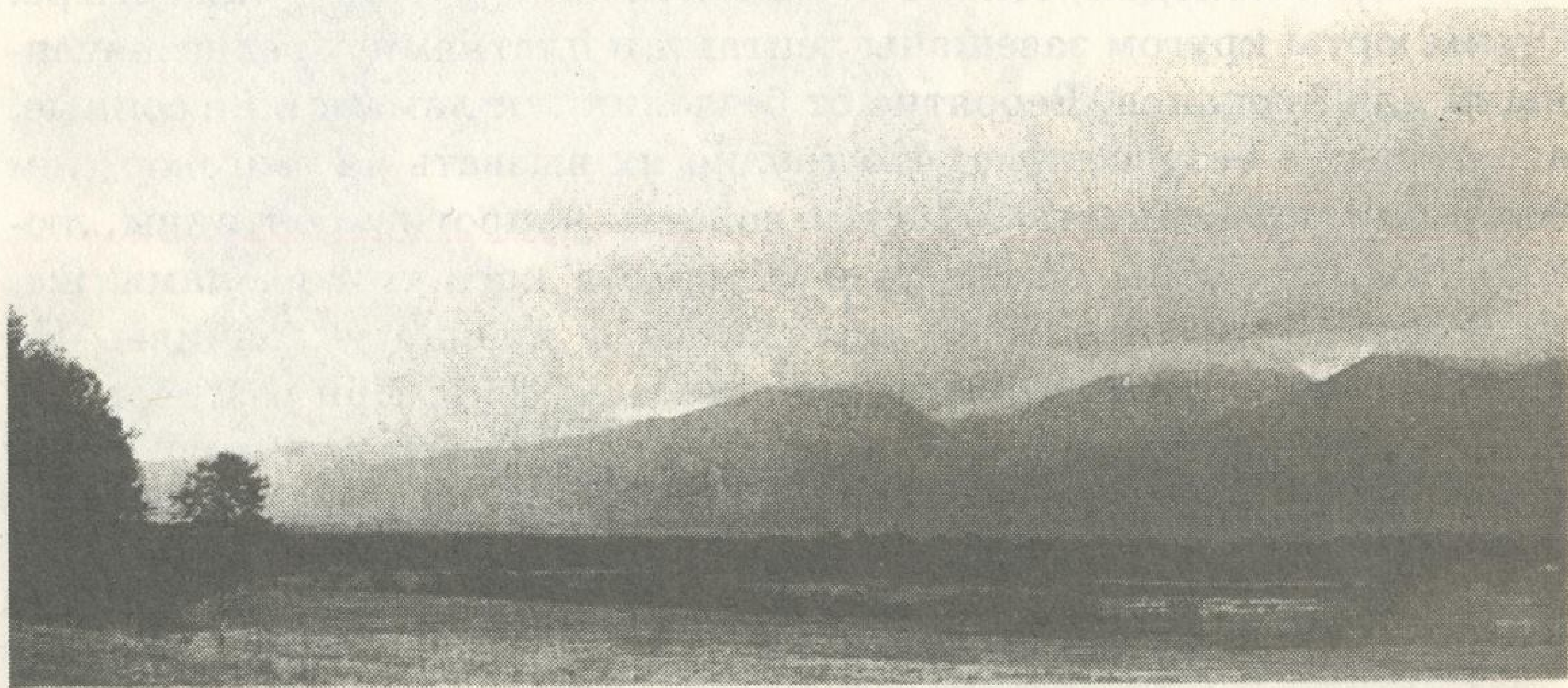
уговорили их креститься, тогда и они бы последовали их примеру. «У вас и куря и ламы», — говорили они. Разумеется, эти простые и непросвещенные не понимали, что значит «креститься». Оно им кажется не более, как их шаманство или ламство в их юртах, но только в другой форме. Пошли им Бог скорее познать истину, пока эти простые люди нравственно не испорчены.

Спустившись с пограничного хребта, мы в первый раз увидели сойотские войлочные кибитки у большого озера Кара-Куль. С подъезда к аилу стоял «обогата ореть» (ламская молельня — балаган из тальника). Пред молельней был устроен из камня жертвенник в $\frac{3}{4}$ аршина вышины, на котором сожигают баранью голову. Внутри балагана развешано множество бумажных лент. На столике висит маленькое изображение бурхана под стеклом в раме, т.е. в киоте. На полу валяются довольно искусно вырезанные из дерева коньки. Аил по имени старшего из рода называется «Балчир-аил». Как бедны и жалки эти грязные крошечные одинокие юрты! При них никаких строений нет. Между тем такая маленькая юрта вмещает в себе все хозяйство, самих хозяев, их телят, ягнят и все остальное. Из этого и можно себе представить царящие тут тесноту, духоту и копоть. Если бы не было дымового отверстия, то непривычному человеку и часу не прожить в этой юрте. Сойоты к себе лично принимают знакомого и незнакомого, но еще охотнее того посещают проезжающих на их остановке. Неспесивость их скоро знакомит проезжающих с ними. Они очень любопытны. «Откуда, куда, зачем, кто вы такие; нет ли у вас чего продажного, все ли здоровы — люди, скот, нет ли чаю, табаку?» и т.д. без конца. Любопытство у них доходит иногда почти до нахальства. Не только везде выглядят они, но непременно везде ощупают, перевернут все вещи руками.

Озеро, у которого эти сойоты живут, шириною $1\frac{1}{2}$ -2 версты, а в длину 15 верст. Глубины при спуске бечевки в 160 саж. не могли измерить. Вода в нем очень чистая. Таймени, лини, хайрюзы и прочая рыба во множестве водятся в нем. Китайское правительство русским и другим нациям запретило в нем рыбачить. Сами же урянхайцы только по берегам его ставят на саликах сети. Даже и этим способом много добывают рыбы. Сойоты или Урянхайцы (правиль-

ное и официальное название есть Урянхаец, а Сойот — частное или уличное название; так я буду называть их и сойотами и урянхайцами — значение одно) этому озеру приписывают чудодейственную силу, будто на фактах доказанную издревле во многих случаях. Воду его находят излечивающей от многих разных болезней. Женский пол в нем никогда не купается. Женщинам выше колена не позволено в него заходить. Проезжающих заранее предупреждают во избежание несчастного случая в нем не купаться. Ослушники всегда своевременно наказуемы бывали. В это озеро сверху впадают реки: Самгыр, Лыдиктим и Нижний Лыдиктим, а вытекает из него одна большая река Алас, в которую с левой стороны, со стороны Телецкого озера, впадает Малый Алас.

Переночевав на берегу озера, мы на другой день проезжали над озером по косогору на головокружительной высоте, как на воздухе. С озера подул ледяной ветер, а когда, свернув налево, приблизились к хребту, то пошел сильный холодный дождь, впрочем всегда обычный на белках. Несмотря на то, что мы переоделись в зимние шубы, перемокши, очень озябли. Немного опустившись с хребта, мы с радостью бросились в первую попавшуюся сойотскую юрту, хозяин которой оказался исполинского росту лама с бритой головой, с таковой же головой и старуха его. Маленькая грязная юрта, все стены в дырках. Ветер свободно гуляет в юрте. Семья большая. Сидят почти без огня. Вообще сойоты, чтобы соблюсти экономию в

дровах, (слава Богу, их сколько угодно в окружающем лесу) разводят огонь очень маленький и то когда им надо что-нибудь сварить, а остальное время проводят, закутавшись в теплые шубы, и в таком положении сидят и день и ночь. Все домашние работы исполняют исключительно одни жены и дочери, а мужья палец о палец не ударят, кроме охоты. Мясо убитых ими на охоте зверей они там же съедают, а домой одни шкуры привозят. Домашние же питаются только продуктами от своего скотоводства, если имеют его, а то на одном чаю с солью. Чай не у всякого и не всегда бывает, поэтому они употребляют различные древесные коры. С другой стороны ламам безусловно запрещено убивать кого бы то ни было, даже и рыбу ловить нельзя. Поэтому ламы живут в полнейшем бездействии, если только за труд не считать постоянное сосание ими люльки. У них жалованья нет; добровольные подаяния крайне скудные, поэтому им от народа плохо живется. У урянхайцев и лам нет никаких развлечений и разгулов. Единственное общественное удовольствие и развлечение у них — в общем молении где-нибудь на горе и в большом собрании в обого или балагане, куда все сойоты привозят своих баранов и араку из молока. Служение бурханам тогда продолжается несколько дней. Назначенный для бурханов баран закалывается, мясо съедается, а голова сожигается на жертвеннике, сложенном из камня недалеко от балагана.

Чуть не в каждой юрте имеется лама, поэтому на общественное моление их собирается от 12 и больше лам. Здесь две юрты и два ламы. Один молодой, только что окончивший учение в монастыре. Стены юрты кругом завешаны лентами и платками, предназначенными для бурханов. Вероятно от безделия эти ламы такие сонные, апатичные и безучастные, что трудно их вызвать на разговор, тем более на откровенность. Простые сойоты, напротив, болтливы, любопытны, способны обмануть и обокрасть кого угодно, ламы же, наоборот, очень сдержаны, молчаливы и крайне уклончивы. На вопросы отвечают отрывисто, коротко и не ясно. При разговоре на своего собеседника прямо не смотрят, а глядя в сторону, разговаривают. Таково впечатление, вынесенное нами из юрты первого ламы. В тот день мы переехали реку большой Алас на салу*). Река эта

*) Т.е. на плоту

вытекает, как уже сказано выше, из озера Кара-Куль, а потому она и быстротой и величиной походит на реку Бию при выходе ее из Телецкого озера. Вброд через нее нельзя попасть. Теперь нас от Кемчика разделяла только та высокая снежная и длинная гора, которую мы видели уже с хребта с гранью Сурдаба. Отсюда наши добрые товарищи-проводники разъехались по своим аилам, горячо простившись с нами. При прощании опять настойчиво повторили свое приглашение к «чайзанам» с предложением креститься. Мы их наделили сухарями и чаем.

После их разъезда нам и скучно и тоскливо сделалось, ибо ребята были добрые и простые, с которыми мы очень близко сошлись и свыклись. Теперь нужно было с другими знакомиться и других проводников иметь, хотя, пока до Кемчика. Тут мы остались ночевать рядом с одним аилом. В этом аиле я познакомился с одним

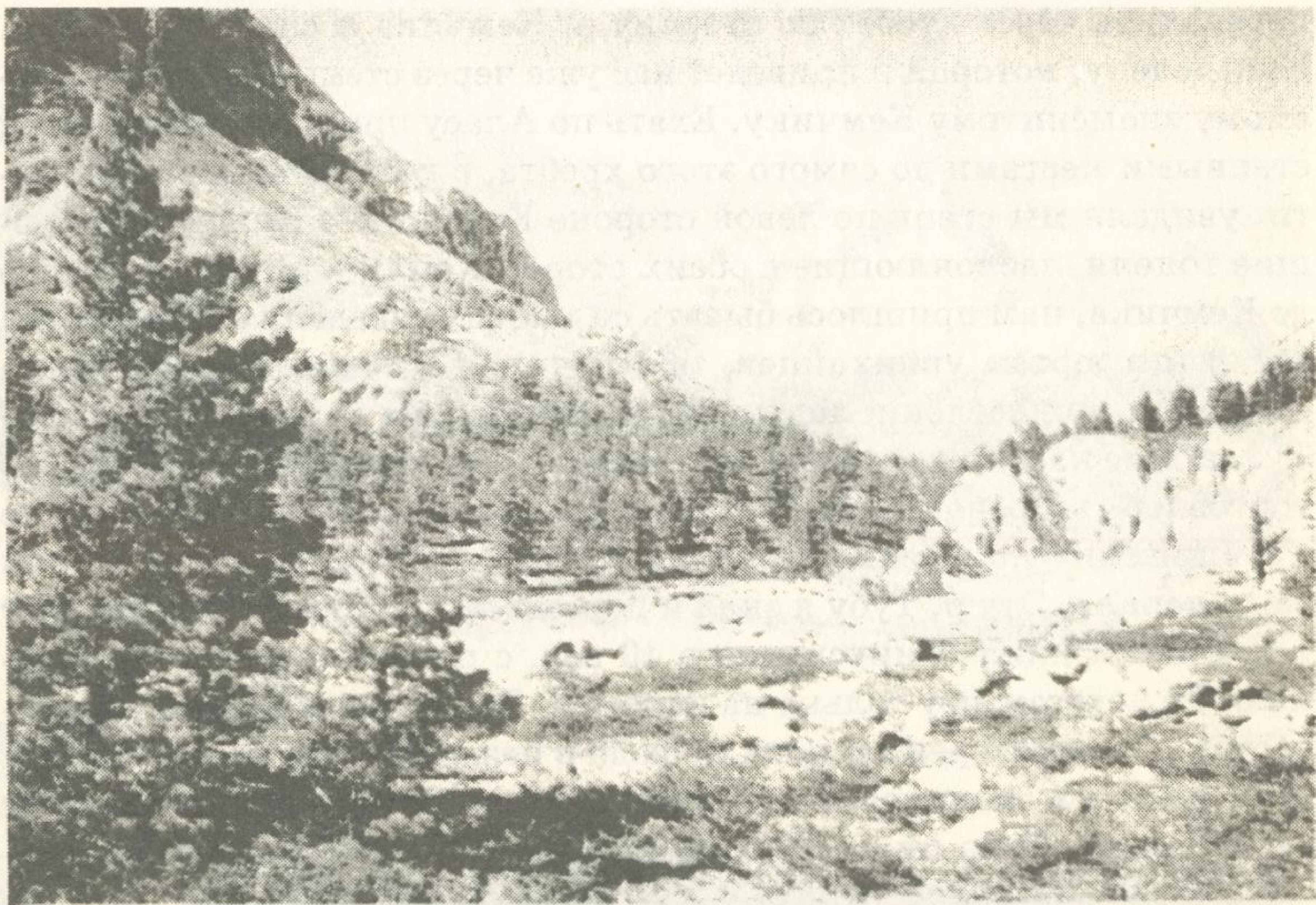

«таргой» (собиратель податей), человеком весьма рассудительным и умным. Зовут его Кембрель, Кучугетской волости, Бече-Хочунанского уезда. Сразу можно было видеть в нем испытанного формалистика и опытного знатока. Он в то же время был очень вежлив. Как у чиновника, на его шапке была шишка. Пока хорошенько не выслушает и не убедится в сказанном ему, он не торопится ответом. Говорит обдуманно и серьезно, тоном убежденного человека и несколько повелительно. Живет он очень исправно. Приходил он и ко мне в палатку. Я его чаем угостил. Хорошо понимает он значение и русского священника. Он, как чиновник сойотский, понимает и о политике, недурно и с увлечением рассуждает о ней. Так как все Чолушманские вероотступники живут в районе этого тарги, то он всех их знает. «Все они в горах кочуют. Некоторые из них и теперь на таскылах промышляют; никого их дома не найдешь. На одном месте не живут», — закончил он свой рассказ. Кембрель хорошо помнит одного священника с Телецкого озера (Алтын-Кюль), проехавшего здесь, спустившись по малому Аласу, лет 8 тому назад. По его описанию внешности этого священника я заключил, что это был о. М. Тырмаков.* Кембрель бывал во многих русских селах, деревнях и улусах Минусинского уезда, частью также и Кузнецкого уезда, поэтому он и по-нашему неплохо понимает, хотя говорить не может. Он, как посредствующее лицо между старшими по власти и подчиненным им народом, лучше других знает, что делается и в высшем, и низшем слоях общества. «Из чайзанов теперь дома никого нет, — объяснил он. — Их вызвал в Ча-Ауль (около 200 вер. вниз по Кемчику) русский чиновник, чтобы перевести нас, урянхайцев, в русское подданство. Вам напрасно будет к ним ездить», — сказал он.

Подробности про этого чиновника я скоро же узнал. Это был комиссар 2-го класса, чиновник, командированный правительством сюда заведующим урянхайским пограничным округом с широкими правами и полномочием. Фамилия ему Цезерин. Действительно, в его программе первое место занимает забота о переводе урянхайцев в русское подданство. Дело это вел он чрезвычайно смело и энергично. Слава везде про него громко шла. По поводу этого любозна-

*) Алтайский миссионер

тельный и сведущий Кембрель меня буквально засыпал вопросами. Спрашивал он и о том, каков у нас Белый Царь (так они нашего Государя называют — «Орустын Ах-Ханы»); любит ли и жалеет ли он свой народ; почем народ ему подати платит. Какие у нас за преступления наказания бывают. А если они, урянхайцы, перейдут к русскому Царю, то им легче ли будет жить от этого. Не заманивает ли их русский царь обманом к себе. Тогда русские, заняв их земли, не выгонят ли их отсюда. Тогда не заставят ли их всех креститься вместе с ламами. Если Китай (Кыдат) победит Монголию, то русский Царь заступится ли за них. Большая ли сила у русского Царя и какие у него орудия? и др т.п. После вполне удовлетворенных Кембрелю ответов я прибавил: «Наш Царь кроток, миролюбив, жалостлив и всегда доступный. Он всегда входит в положение своего народа. У нашего Царя нет таких зверских жестокостей и деспотизма, с которыми у вас наказывают преступников. Почему у нас Царь таков? Потому что Он подражает Своему Истинному, любящему и всемогущему Богу, живущему на небесах,

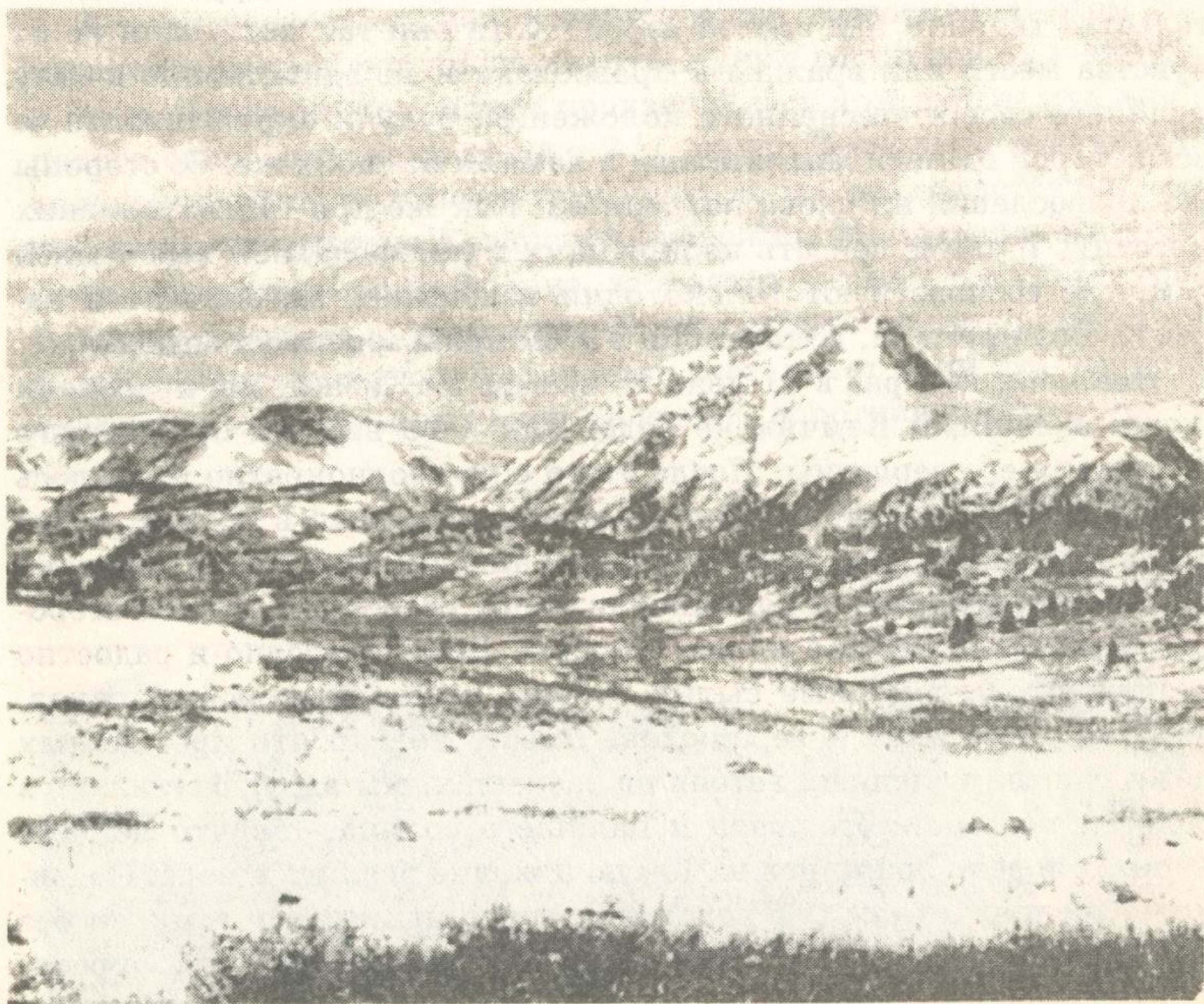
но везде существующему. У нас только один Бог. А у вас же чуть ли не каждый предмет — бурхан. Даже змею вы зовете бурханом и не велите ее убивать. Так же и Монголия ваша. Она ведь полна суеверий, колдовства, гаданий, чародейства и т.д., которым она безусловно верит и страшно боится их. Но может ли быть в таком хаосе правда? Нашему Царю все законы, которыми он руководствуется, дал Сам Бог», — сказал я. Кембрель не нашелся против этого что-нибудь сказать и, молча встав, оставил нас. У них, урянхайцев, нет обычая ни благодарить, ни прощаться. Так поступил и Кембрель.

Со времени Китайско-Монгольского столкновения и после погрома с изгнанием отсюда торгующих китайцев, весь здешний край находится в трепетном ожидании какого-то переворота, конечно, для себя с дурными последствиями. Почему Кембрель и старался сколько-нибудь чрез меня узнать про это дело, т.е. составить из этого разговора общее понятие о будущности Урянхая, хотя приблизительно.

Теперь нам надлежало ехать вниз по реке Аласу; затем с нее перевалить через хребет на сторону р. Кемчика и спуститься по р. Куньделепу, которая и приведет нас уже через степь к давно ожидаемому знаменитому Кемчику. Ехать по Аласу пришлось ровными и степными местами до самого этого хребта, с которого, не без радости, увидели мы степь по левой стороне Кемчика, а за ней зеленеющие тополя, заслоняющие с обеих сторон Кемчик. Пока добрались до Кемчика, нам пришлось бывать со многих заведений казанских татар и в юртах урянхайцев, ибо начиная от нашего ночлега на Аласе народонаселение идет гуще и пестрее, из разных элементов. Тут, кроме казанских татар, занимающихся исключительно только торговлей, встречаются еще совсем другие инородцы, называемые «Тубинцами» по имени той речки «Тубы» с которой, когда-то они сюда попали. Эту р. Тубу я знал и переезжал через нее. Она впадает в р. Енисей ниже Минусинска в 40 вер. с правой стороны по течению. Ее переезжают только на паромах. Вершина ее вышла на юго-восток. С этой-то реки и попали сюда в незапамятное время предки этих грязных, полунагих дикарей, называясь незнающими себя и своей родин «Туба-кижи» (не помню себя). Предки их, живя когда-

то в Минусинском крае, может быть, и крещены, но эти их не помнят, будучи сами самыми закоренелыми язычниками, и носят также косы. Эти жалкие остатки неизвестного происхождения, узнаваемые только по физиономии человека, не имеющие ни стыда, ни приличия не только среди своих, но и при появлении посторонних незнакомых людей, как только увидят проезжающего человека, так и требуют, а не просят, чаю и табаку. Вид и положение этих людей на незнакомого человека удручающе действует, особенно со стороны религиозного понятия. Когда-то придет сюда свет Св. Евангелия и озарит эти темные души и омоет их загрязненную до костей внешность.

Находясь среди таких звероподобных, хотя безвредных и кротких людей, невольно задумываешься и вполне осознаешь свое бес-

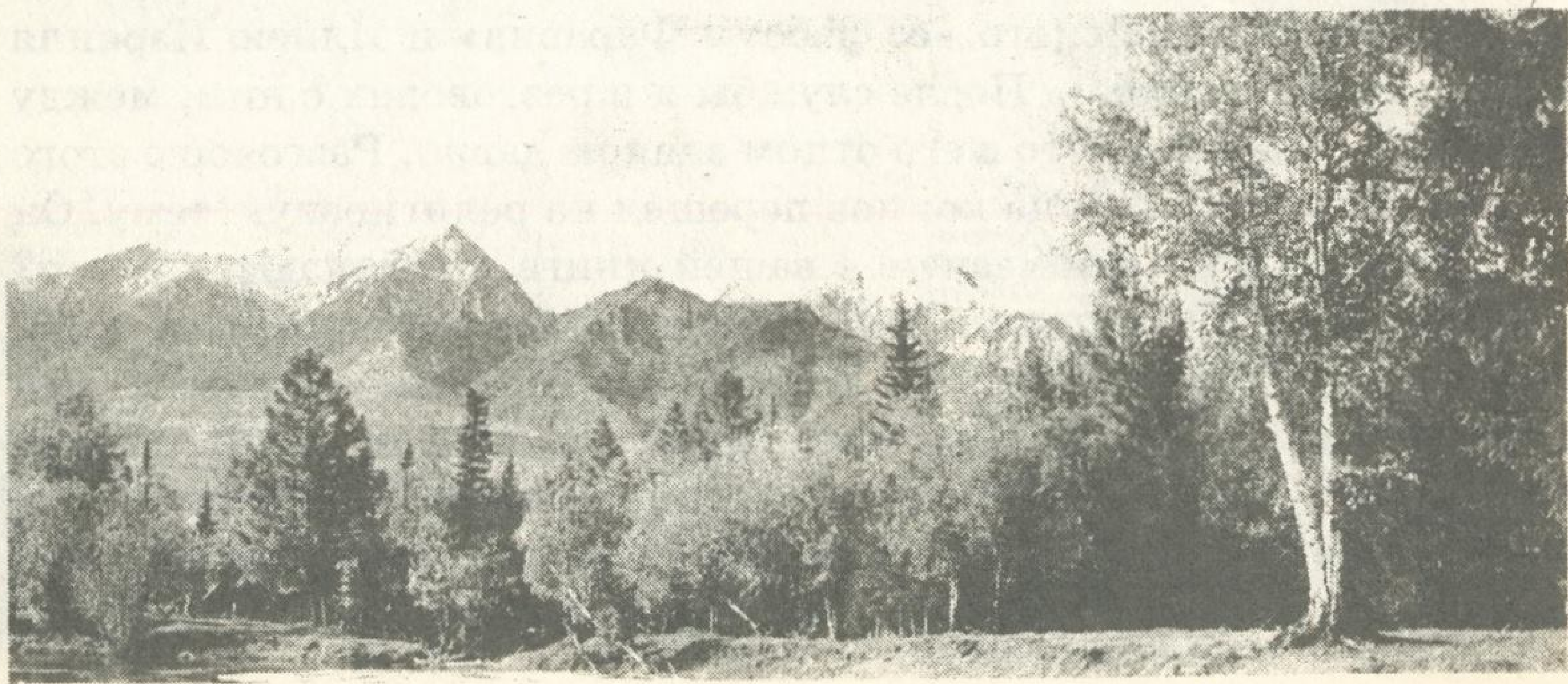
силие против такого явления. То дело, на которое мы вызваны сюда, кажется крайне ничтожным и одиноким. Долг и обязанности миссионера невольно вызывают из глубины души болезненное и угнетающее чувство и при благоприятных условиях дела, но тут, ввиду полной невозможности успеха, еще болезнее чувствуются. Тут веропророповедника страшит не одна трудность обращения их в православие, но главное — последствия его. Дурных примеров тут сколько угодно, когда обращенные в православную веру сойоты без поддержки ее в дальнейшем, снова возвращались в свою языческую и ламскую религию. Вывезенные с родины купцами или своими родителями в Минусинск или в другие русские селения и там окрещенные без убеждения и должной подготовки, сойотские юноши, затем, вернувшись на родину, снова спешили сделаться язычниками. Отращивали косы, бросали с себя крестики, иконы и другие издевательства творили над святой верой. Хотя они так поступали не из чувства мести или вражды к православию, но единственно в силу крайнего своего стесненного положения, будучи окруженными со всех сторон одними язычниками и ламами из своих же. Со стороны же православия ни слова поддержки. Как же при таких условиях крестить и затем бросать неокрепших в православной вере людей там, где господствуют только одни язычники, магометане и евреи?.. Вот причина, волнующая в этом краю веропророповедника.

Наконец, как раз в 11 день по выезде из Кизаса, мы переехали давно желанный Кемчик не более как в 15 верстах от крайнего населения его вершины. После этого еще неоднократно пришлось нам переезжать Кемчик взад и вперед, но только в лодках, а тут перебрали вброд, благодаря раздроблению его на протоки. Широка на необозримую даль Урянхайская степь, особенно в южной стороны Кемчика. Раздолье на все стороны. Везде свободно и радостно разгуливают громадные сытые табуны лошадей, коров, баранов, яманов, даже яков и верблюдов. Вместо только что проеханных нами снегов, холодных ветров на таскылах, мы вдруг очутились в области нестерпимого жара и палящего солнца, так что лошади наши то и дело ложились на землю и жадно рвались к воде. Недавно на белках ехали без дорог над страшными, а потому не без риска, пропастями, а здесь выехали и на тележную дорогу. Порази-

тельно резкая перемена на таком сравнительно небольшом расстоянии.

Верст с 20 ниже последних магометанских начинают встречаться и русские заведения, разбросанные там и сям. Всех русских на протяжении 125-130 вер. от вершины Кемчика до устья р. Чадана в 2-х урянхайских участках до 30 семей. Смешанно с ними торгуют евреи. В нагорности Урянхая по левой стороне Кемчика живут с сойотами и Койбальцы, переехавшие с Абакана. Есть воскресники и субботники. Но их мало. Итак, медленно двигаясь между этими заведениями и юртами той и другой стороны Кемчика, мы побывали почти у всех их — и в юртах урянхайцев и некоторых русских домов, а также везде слышали жалобы русских на урянхайцев, урянхайцев на русских и вообще на своих притеснителей торговцев.

Кстати несколько слов о деятельности торговцев. В этом году казанские татары покупали ржаную муку с доставкой на место по 1 р. 80 к. Продажа же сойотам производилась по 4 руб. за пуд или за целого быка отпускали только 2 $\frac{1}{2}$ пуда. Насколько заманчива и сильна жадность наживы в этом краю, то это объясняется еще тем, что напр. магометане Казанской губернии, Мамадышского уезда, побросав свои семьи на родине, забрались в самую глушь верховья Кемчика и весь этот урянхайский угол забрали в свои руки! Центр и рассадник всего этого кулачества составляет один тут же обогатившийся магометанин Галей Валеевич, воротила теперь сотен ты-

сяч. Он при нас уехал на Нижегородскую ярмарку. Семья его живет в Казани. Не только одни казанские татары приказчиками и доверенными в разных заведениях у него служат, но и русских немало. «Как вы не скучаете в такой глуши без своих семей, живя так подолгу?» — спрашивал я их. «У нас дома торговля плохая, а здесь лучше. Мы своим семьям посылаем деньги. И они и мы сыты. Здесь жить выгоднее. Мы дело делаем, скучать некогда. Семьи никуда не денутся, было бы чем жить», — отвечали они. В своих заведениях они нас приняли любезно и гостеприимно. У одного торгоша я просил отпустить нам $\frac{1}{8}$ фун. кирпичного чаю. Он за это отказался получить деньги. «Вы люди дорожные, с вас денег не надо», — сказал любезный хозяин. После я узнал, что этот самый «любезный хозяин» и брал быка за $2\frac{1}{2}$ пуда ржаной муки. У них живет в отведенном ему месте и мулла. Теперь они собираются строить мечеть и школу.

Урянхай кормит и обогащает всех пришельцев и даже бродяг. Все хлопочут и говорят только о своих выгодах и интересах, а о Боге никто ни слова! Пришлось мне поговорить о религии и с одним богачом из евреев. Отец этого молодого еврея здесь громадное дело имеет. Он угнал в Иркутск громадную партию скота, а сын этот гнал в Ачинск $1\frac{1}{2}$ тыс. быков и $1\frac{1}{2}$ тыс. монгольских овец. Он случайно попал в дом одного русского во время служения нами водосвятного молебна и простоял весь молебен с освящением дома. В виду еврея, я к молебну «малого освящения воды», прибавил и из молитвы Святого Богоявления, где говорится об освобождении Моисеем рода еврейского «от работы Фараона» и Илиею Израиля от прелести Вааловы». После службы я в разговорах с ним, между прочим, сказал ему, что с его отцом знаком давно. Разговор с этого пошел дальше и в конце концов перешел на религиозную тему. Он гордо спросил у меня «зачем в вашей книге упоминаются евреи? Ужели вы их проклинаете?» Я объяснил ему значение этих слов, прибавив «все это из истории Ветхого Завета. Вероятно вы и сами знакомы с историей Библии?» «Признаться, я ни во что не верю — ни в бога, ни в Сатану. Религия — одна выдумка, чтобы обманывать простой народ!» — сказал он. «Ты кажешься еще молод, но не по годам судишь так смело и решительно о религии, как об обык-

новенных вещах. Если бы вместо этого резкого безбожного ответа о вере, ты терпеливо промолчал, то ты ни у кого из нас не задел и не оскорбил бы религиозное чувство. Ведь нас заставила ехать сюда за тысячу верст — вера. Хозяева этого дома попросили нас отслужить молебен и освятить свой дом, а попросить заставила их вера. Нам до твоего изуверства дела нет. Но имел ли ты право называть свя-тую нашу веру обманом? Ваши евреи разве не веруют наравне со всеми христианскими и магометанскими народами в Единого Ис-тинного Бога? Без веры почти никто не живет. Каждый народ во что-нибудь да верует, как видно, кроме одного тебя. Даже совер-шенно бескультурные дикари, живущие в трущобах и в разных концах земли, у которых нет ни писанного, ни словесного закона, все-таки религию имеют, во что-то веруют, представляют себе заг-

робную жизнь с ее наградой и наказанием по заслугам каждого на этом свете. Вот ты, например, — продолжал я, — имеешь громадное состояние, для приобретения которого, надо полагать, перенес немало трудов и неприятностей. Спрашивается: какая же цель такой наживы и какая цель твоего существования на земле, если в будущем нет никакой надежды?» Еврей, на минутку помолчав, сказал: «Чем больше имеешь силы покорять людей, тем больше и наслаждения в жизни. Состояние нисколько не относится к тому, верую я или нет в Бога или сатану». Таким образом, закончив свой разговор со мной, мой еврейчик распростился с нами.

Тяжелое впечатление оставил нам этот еврей. Вот какие проповедники имеются в Урянхае. Эти торгаши, составившие большие капиталы у сойотов, брали с них за одну иголку — барана, за квадратную мерку (салбак) материи — быка. Меновая торговля чрезвычайно выгодная, так что на один рубль нагоняют иногда рубля 3-4 барыша. Урянхайцы наконец свое давно скрываемое недовольство против своих обирателей в последнее время начали обнаруживать, например: перед изгнанием китайцев в 1910 году один провинившийся перед правительством Монголии нойон, чтобы загладить свою вину, вздумал, в угоду урянхайцам, выгнать всех русских торговцев из предела Урянхай обманом. Для этого он распустил ложный слух, что будто бы от китайского правительства получил повеление выдворить отсюда всех русских обирателей. Предварительно русским торгашам предложено было скорее без сопротивления выбраться из пределов Урянхая. Русские не повиновались. Тогда употреблено было насилие. Несколько русских домов раскидали и уничтожили усадьбы. Наконец русские просили отложить выезд их хотя бы до зимней дороги, что было исполнено, а сами тем временем успели дать знать начальству в Ус и Минусинск, откуда немедленно выслали солдат во главе с полковником. Урянхайцы усмирились. После того обман нойона обнаружился, который не замедлил покончить свою жизнь самоубийством (небывалый случай у сойотов!).

В Урянхае колонизаторов нет, а только одни торгаши разных наций. В силу правительственного распоряжения урянхайцы им не дают свою землю ни за деньги, ни в аренду. Но простодушные

урянхайцы очень обманываются. Они не замечают, что из-под их ног постепенно уже ускользает почва — как хитрые коммерсанты незаметно забирают их в свои алчные руки и как их быстро кабалят! Не видят они и того, как у этих пришельцев процветают огороды и пашни. У них есть всякие овощи, в том числе огурцы и арбузы, чего у урянхайцев никогда не бывало. Какие превосходные всходы у одного еврея на их земле в 20 десятин! Как у этих торговцев прекрасно и обильно орошаются покосы и пашни мочагами, проведенными по их же, урянхайцев, земле и огороженными их же лесом. У кого водяные мельницы, кожевенные заводы и проч., как не у этих торгашей! Вновь прибывшие торговцы селятся там, где им кажется повыгоднее, вопреки запрещению, самовольно. Кроме больших известных озер, переселенцы совсем даром пользуются в реках рыболовством. Житье для переселенцев — настоящее райское; они им не могут нахваливаться. Всего довольно, жить привольно и свободно. Вместо нашего аршина у них своя мера, так называемая «салбак». В переводе на русский язык, это значит: длина материи измеряется ее же шириной, т.е. мера на квадрат

какой бы материи ни было. Торгаши много этим выгадывают. Напр. при нас один торгош продал на овечью шерсть сойоту холста в 6 верш. ширины и длины за 16 коп., так что он с него за аршин взял не менее 1 р. 50 коп., если оценить стоимость шерсти по его, торгоша, продаже.

Далее нескончаемые грехи у бедных урянхайцев были с китайскими купцами. Вот почему наконец состоялось восстание против них и изгнание их из Урянхая, из этого благодатного края. Это случилось в июле месяце 1912 года. Такое дружное восстание со стороны урянхайцев против китайских купцов вызвано было невыносимо тяжелым игом Китая над ними и безмерным обирательством этих купцов. Разгромление и изгнание китайцев случилось прежде всего из-за самих же урянхайцев, т.е. из-за несогласных между собой двух уездов — Бече-хочуна и Та-хочуна. Та-хочун за китайцев стоял, а Бече-хочун за независимость от Китая, т.е. против китайцев шел. Разгорелся огонь. Со стороны Та-хочуна выставлено было готовых к нападению на Бече-хочун 500 вооруженных человек. Но, к счастью обеих сторон, в самое это время в Монголию из Петербурга чрез Абаканский железный завод Минусинского уезда тайгой ехал для исследования кратчайших путей сообщения по р. Ане некто граф Адам Павел Бенниксен, который и вступился за Бече-хочунцев. Он послал своих казаков к китайцам (их было 92 человека) с приказанием немедленно убраться им отсюда, иначе будет употреблена военная сила. Китайцы повиновались. Однако насилие было употреблено над ними. До крайности озлобленные и раздраженные насилием и обирательством китайцев урянхайцы, не дав им времени распорядиться своим хозяйством и богатством, разломали и разбросали их дома, т.е. заведения, до основания. Китайцы об одном только умоляли своих гонителей, чтобы они их не отправили чрез Кобдо, где в то время царила страшная смута. Тогда их отправили чрез Минусинск. С тех пор иго и господство Китая над Урянхаем окончательно уничтожилось. «Теперь нам без китайцев легче жить и спокойно», — говорят они. О недавнем существовании здесь китайцев свидетельствуют теперь лишь их пустые усадьбы, назем и мусор на них.

С начатием войны Монголии с Китаем им теперь тоже стало жить тяжело. Только в прошлом году от них на войну угнали 1000 человек, а нынче снова будут набирать. Денежные поборы на войну край окончательно разорили. Урянхай не может успокоиться: он постоянно в тревоге. Не на шутку тревожит и пугает урянхайцев такой отчаянно смелый и властный поступок комиссара. Он всех урянхайских чиновников созывает в Ча-Куль и велит непременно подписать свое согласие перейти в русское подданство. Он не велит с этого времени монгольцам платить подать и помогать на войну, а также давать солдат. Разоренные урянхайцы не знают что и делать и кого слушать. Тогда мнение урянхайцев разделилось на две партии. Сторонники России говорили, что им в Русском государстве легче будет жить. Россия даст им разные льготы и в солдаты их не возьмет и проч. Противная же партия говорила, что если Урянхай перейдет к Русскому Царю, то земля их вся будет русской, которые не замедлят потом их выгнать отсюда, в русской власти жить им нисколько легче не будет, потому что их обманом ласкают, пока они не пере-

шли. Где правда, никто не знал. В то же время они ужасно боялись прогневить монгольское правительство своей изменой. Наконец решено было отправить монгольскому богдыхану депутацию в подарками в 80 лошадей и 1700 руб. деньгами и с просьбой научить как им поступать в таком утеснении, и как понять поступки русского чиновника. Комиссар в это время находился на речке Чадан, как раз на пути депутации, не знавшей его присутствия тут, поэтому она сама попала ему в руки. Таким образом перехватив и деньги, и лошадей, он снова приказал урянхайцам не платить подати Монголии и не давать солдат, напротив прошлогодних велел вернуть. Отобранные у них деньги и лошадей он обещался вернуть им после. Далее, назначив день съезда урянхайским чиновникам 12 июля в Ча-Куле, сам туда же уехал. Однако урянхайцы опять нарядили новую депутацию к монгольскому богдыхану, во главе молодого нойона, с донесением обо всем происходящем у них. Будто урянхайский край в Русско-монгольском договоре 1912 г. в январе месяце пропущен, потому, как говорят, русский чиновник так самостоятельно и настойчиво действует.

Урянхайцы живут крайне разбросанно, кочуя летом по речкам, а зимой по горам вместе со своими стадами. Аилы их от 1 до 4 юрт. Как черневые, так и степные, как бедные, так и богатые, чиновники и простые ведут совершенно один образ жизни, одну юрту и домашний обиход. Питание их довольно скудное, редко у кого мясо, а то один чай с солью и с молоком, последнее и то не у каждого. Несмотря на это урянхайцы физически очень крепки. Это благодаря обращению с малолетства с дикими лошадьми и их постоянной быстрой езде. Например, я познакомился с одним бежавшим с войны из Монголии — молодым солдатом гигантского роста, который справлялся свободно с пятью человеками. Рассказал свое он бегство с войны, и о том, как они, два товарища, 15 суток день и ночь бежали домой, чем питались и как им такую измену их начальство простило: «Без вас мы много солдат в Монголию отправили и ныне опять отправим новых солдат. Идите по домам и живите мирно», — сказала им начальство. «Вот весь суд над нами», — говорил он. — «Мы страшно боимся смерти, поэтому бежали, только бы не видеть, как на войне друг друга убивают», — сказал он. Урянхай-

цы действительно ужасно боятся покойников и убийства, в виду чего у них никогда убийств не бывает. Главные у них пороки развиты — обирательством торгашей же, без которых они теперь жить не могут, это — воровство и обман. Кроме этого, у них нет никаких ни разгулов, ни грабежей, ни ночных гуляний и других увеселений, а также и драк и кулачных боев... Редко можно встретить пьяного, между прочим сами постоянно торгуют аракой. В культурном же отношении, можно сказать, что они занимают последнее место между известными мне инородцами нашего края, напр. Кизильцами, Каченцами, Кайбальцами, Сагайцами, Алайцами и даже черневыми Кузнецкого уезда тем, что ведут себя чересчур нечисто, грязно и даже наготу свою не закрывают. В таком же виде и юрты свои держат. Трудно для непривычного человека оставаться на долгое время в их провонявшей юрте. Мясо едят почти совершенно сырое и без соли, с зверской жадностью и торопливостью. Сойоты друг

друга из нужды почти никогда не выручают, а если и выручит, то с громадными процентами взыскивает с него. Несмотря на строгое запрещение Монгольского правительства торговли аракой у урянхайцев, зло это не может искорениться.

За воровство наказание ужасное и разными способами. Первый способ наказания состоит в биении преступника палками толщиною в два пальца, а в ширину 3 пальца. Первый раз дают 40 ударов, при этом, если преступник упорствует в признании своей виновности, то ему еще 40 ударов прибавляют, и тогда уже почти бессознательного отливают холодной водой и дают отдохнуть и одуматься; но если и при третьем допросе не сознается вор, суд его кончают и последними ударами в 40 же раз. После чего вор или умирает или оживает. Каждое наказание у урянхайцев своеобразное и одно ужаснее другого. Например: второй раз наказание у преступника сразу отнимает вид человека, когда сильный палач бьет преступника по щекам с той и другой стороны мешочком, набитым песком, так что все его тело с лица сразу сползает. Затем его подвешивают за поясицу в полустоячем положении, на ноги ему кладут тяжелую доску, а на грудь взваливают соответствующей тяжести камень. В таком положении его оставляют до тех пор, пока может жить. Третий способ наказания — преступника заключают за шею между двух плах, искусственно связанных между собой. Это страшное орудие мы видели 16 июля в местности «Кара-Тыт» (черная лиственница). Тут временная стоянка монгольского чиновника «тарги», назначенного сюда из Урги на год для собирания податей со всего края. Через год командирруется вместо него другой и т.д. ежегодно. По чину — «тарга» равняется русскому уездному исправнику... Не дешево обходится для урянхайцев годовое содержание «тарги». Прежде всего, ему в полное его распоряжение назначают в услужение 17 человек при своем содержании, т.е. урянхайцев. Все 17 человек должны иметь 17 юрт и кочевать вместе с ним, куда ему вздумается и где понравится. Юрта «тарги» стоит среди 17 юрт его служителей, расположенных полукругом и представляющих как бы огромные крылья. Каждый такой тарга по приезде своем в Урянхай в первый раз — прежде всего дарит каждого из собравшегося народа чаем, кого $\frac{1}{4}$, кого $\frac{1}{8}$ кирпича, за

что получившие отдаривают его каждый скотиной. В юрте его нас принял его доктор, он же и лама, с 7-ю сойотами. Угостил он нас чаем с молоком. Он торопился к больному в другую юрту, поэтому нам не пришлось долго сидеть с ним. Пожалел он, что тарги нет дома, а то интересно было бы ему побеседовать с нами. Не то мы ждали встретить в юрте Ургинского, столичного чиновника, а думали видеть отменную чистоту, редкостную роскошь и проч., но вышло наоборот. Тюфяки и коврики буквально утопают в копоты, так что на них садиться нельзя. Шкафики, чугунная печь, железная кровать и прочие вещи находятся под одним общим цветом толстого слоя пыли. Когда мы вышли из юрты, то нам сойоты и показали упомянутое выше, интересное, вместе и страшное орудие

наказания преступников. Оно состоит из двух вместе сложенных плах с 12 дырами. На концах их два столбика деревянных, т. е. винта, которыми и стягивают плотно эти плахи. Одновременно 12 человек закладываются в эти 12 отверстий за шею, за разные преступления, и на разные сроки, с той и другой стороны по 6 человек, дабы они с двух противоположных сторон не подняли эти плахи. Попавший в эту дыру человек даже шевелиться не может, поэтому, без перемены положений и движений, человек скоро коченеет и не может даже 4-5 дней пролежать. Тут не при чем ни зимние стужи, ни другая температура времени. Такие наказания больше всего применяются за воровство и мошенничество. Поэтому местные торговцы очень ловко пользуются этим. Они терпеливо поддерживают дружбу и доброе отношение с сойотскими начальниками, дабы под их покровительством ничего не терять за своими покупателями. Но за то такое посредничество судебного преследования в деле коммерции породило между торгашами и урянхайцами одно только недоверие друг к другу, мстительность и лицемерие. Ненасытный торгош не останавливается, грабит и грабит сойота, а обиженный и глубоко озлобленный в душе сойот не перестает воровать и обманывать торгоша. Почему и нет между торговцем и урянхайцем теплого и сердечного отношения. Напротив вымогательство торговцев в последнее время вызывает сойотов и на другие преступные поступки, никогда раньше не бывалые. Например, перед самым нашим приездом на Кемчик по р. А.С., выведенные из терпения сойоты отомстили своему торговцу тем, что, выведши его на улицы из юрты, связали его и из имеющихся у него в кармане 500 р. отсчитали себе 200 руб., затем выпустили его с вытеребленной бородой. Он был один, а потому без свидетелей потерпевший не мог возбудить дело. Урянхайцы очень бедствуют, потому что в истекшем году $\frac{3}{4}$ части всего скота их — пало. Хлеб (ржаная мука), пуд, с весны стоил 4 р., а теперь 3 рубля.

Не менее того они и на своих жалуются. Например, в 1901 г. из Монголии приезжал к ним живой бог (как они его называют) Геген, которому они принуждены в подарок привести 300 лошадей. Он у них в Куре в течение 4-х дней служил. Во второй его приезд —

его дарили шелком и русскими деньгами. От него народу были дары — шелковые ленты в 15 коп.

Русские холоднее относятся к своей вере и скорее забывают Бога, чем евреи, магометане и др., и в услужении последних. Например, нам пришлось ночевать у одного богатого молоканина — воскресника. У него один из приказчиков русский человек, имеющий 2-х-летнего ребенка некрещеным. Родители ребенка при виде священника очень смутились, что-де наш ребенок до двух лет еще не крещен и что они живут и служат у молоканина, в доме которого нет ни одной иконы и никаких других предметов напоминающих о Боге. Тут мною действительно овладело неприятное чувство и нескрываемая досада, поэтому я нужным считал говорить везде русским, что они в погоне за наживой и Бога забывают, и родину бросают. Здесь, на чужбине, и умирают без покаяния, и женятся на некрещенных сойотках. Не только великий грех так поступать,

но какова нравственная-то низость для православного сына святой матери нашей Церкви! Как мучительно об этом думать и какое страшное должно быть угрызение совести. Однако как скоро отвыкают от церкви!

Случай привел нас в этом районе крестить не только одних русских детей, но и кайбальских и сойотских. Около заведения торгашей сойоты всегда толпятся, поэтому они всегда присутствовали при молебнах, панихидах и крестинах, когда мы их совершали у православных. При крещении кайбальских и сойотских детей я читал из алтайского требника громко, не торопясь, по возможности придерживаясь их сойотского языка, чему они никогда раньше не слыхавшие, очень удивлялись, вследствие чего являлось интересное желание поближе познакомиться с этим, ибо ни у русских, ни у лам нет такой книги почти на полу-урянхайском языке. Не раз они даже осуждали своих лам, что они служат сидя; во время перерыва службы курят, разговаривают и пьют чай, а у русских лам этого нет. Одеваются (облачение) русские ламы тоже лучше ихних лам. Как ламы, так и шаманы при совершении моления надевают на себя особой формы шапки и шубы, шаманы с побрякушками и бубенчиками, а ламы без них. Ламы на свое звание получают специальное образование в монастыре — 6 лет, а шаманы совершенно неграмотны и невежественны. Ламы могут всегда вмешиваться в дела шаманов, особенно при лечении больного, когда шаман не в состоянии выкаmlать здоровья больному. Предсказаниям и указаниям лам из книги сойоты верят без сомнения. Как бы узаконено у них без приглашения ламы и без его из книги указания не отвозить покойника и не бросать в поле. Приглашенный к покойному лама долго читает над его трупом из книги и наконец объявляет, что по указанию писания в книге покойника следует отвезти в такую-то сторону и бросить. Тогда его сейчас же взваливают на быка и увозят на указанное ламой место и бросают. Если труп покойника съедят волки, то он признается хорошим человеком. А если труп покойника съедят собаки, то его считают худым человеком. Иногда лама, вычитав из книги, велит оставшимся живым разобрать юрту, где находился покойник, и переехать самим на другое место, а покойника оставить на месте его

смерти. Иной раз ламы у богатых людей употребляют очень остроумный способ наживы. Вот один из недавних случаев. Умер один зажиточный старик сойот, к одру которого сыновья его пригласили ламу указать им из книги место, куда отвезти умершего. Лама, после продолжительного чтения в книге и разбора, сказал, что старик вовсе не умер, а жив, потому его не надо трогать. Тогда сыновья старика-покойника решили пригласить еще другого ламу. Тот

так же из книги подтвердил слова первого ламы, что мнимый покойник действительно жив, потому его не следует выносить из юрты. Сыновья же старика, убежденные в действительности смерти отца, упорно требовали указать им место, куда им отвезти покойника. Ламы же стояли на своем, что старик жив. Тогда сыновья, видя свою справедливость и дурной умысел лам, решили на зло этим ламам послать за двести верст за старшим ламой. Приглашенный лама нашел в книге действительную смерть старика, а потому велел сейчас же разобрать юрту его и переехать сыновьям на другое место, оставив покойника на месте смерти. Таким образом корыстный обман первых двух лам воочию обнаружился. На высоких сойотских горах кочевников так брошенные трупы долго не гниют, не разлагаются от холода, а потому они могут пролежать продолжительное время, если только на них не наткнется зверь или собака. Когда мы были на высоте над Кара-Кулем, нам показали толстую, в землю воткнутую палку, от дороги в 15 саженях. «Вот, где палка стоит, тут лежал, — говорили наши проводники, — труп одного торговца маральими рогами, по указанию ламы. Тогда это место все далеко объезжали, сами отворачивались в сторону от него. Труп этот пролежал как живой, невредимо с половины августа (Оргак-ай) до половины октября (Чарыш-ай). После этого на него наткнулись волки и съели. Стало быть он был очень хороший человек, что волки съели его тело. Через три дня после съедения трупа, померла и жена его, так же и она отвезена была на то же место и так же была съедена волками», — закончили свой рассказ наши словоохотливые проводники. Кстати сказать, во всем Урянхае мы узнали только про одного нойона (генерала), труп которого заключен в ящик и положен поверх земли. Ниже у памятника этого заслуженного нойона мы будем.

В местах служения или жительства лам и камов никаких разделений нет, так же и соперничества между ними из-за места. Они могут жить и вместе в одном аиле. Ламы везде рассеяны как тараканы. Они живут в самых крайних аилах, так же и шаманы живут и камлают около самых буддийских монастырей. Мы были очевидцами камлания в одном из аилов. Это случилось в сойотском аиле Су-Баче, только в 1 ¹/₂ верстах от ближнего монастыря, где мы

останавливались ночевать. Вдруг в сумерках в одной из близ стоящих юрт загремел звук бубна от учащенного удара в него колоушкой. Звуку бубна вторил дикий голос камлающего. На мой вопрос, что это такое, мне объяснили, что камлает шаманка: «теперь без умолка до утра прокричит», сказал хозяин юрты. Это нас очень заинтересовало, поэтому мы сейчас же, несмотря на свою усталость, пошли туда. Забавно и дико было смотреть на эту маленькую седую старушку, словно развертывающуюся и, как вихрь, крутящуюся в грязной овечьей шубе с лентами и разными побрякушками и колокольчиками вокруг. Она подпевала под звуки бубна каким-то диким, подземным голосом с причитанием. В юрте присутствовали один мужчина и одна женщина, оказавшиеся по-

том муж да жена, или сын и сноха этой шаманки. Усевшись на лавке, мы стали наблюдать за действием камки. Вдруг она с отчаянным криком и учащенным ударом в бубен выбежала из юрты и, молнией обежав ее, опять воротилась на свое место, продолжая камлать. После вторичного такого-же действия, она села на пол, отложив свой бубен в сторону, и испуганно, подозрительно диким взором обвела сидящих тут незнакомых людей. Скоро же она успокоилась, видя в нас не опасных и типичных людей, скольконибудь знающих по ихнему говорить. Я попросил у ней позволения посмотреть ее бубен внутри и снаружи. Мне хотелось узнать разницу между здешними и нашими бубнами и рисунками на них. Величина и обичайка — одинаковы. У камов здешние края бубны разделяются на две части снаружи жидкой белой глиной и клеем. Верхняя часть у обичайки кругом обведена правильными треугольниками в 1 верш. Внутри круга изображается выше всех скелет громадного льва с открытой пастью и страшными кровожадными глазами. За ним пониже по очереди изображены: Эрлик (сатана), змея, лягушка, ящерица и скелет человека с луком с натянутой тетивой и стрелой. Нижний полукруг остается без рисунков, где шаман бьет бубен деревянной колотушкой, обтянутой заячьей шкурой. У этой шаманки на бубне никаких рисунков нет. «У нас на женском рисунков не бывает, а только на мужских пишут», объяснила она. Внутреннее устройство бубна все равно, что и у нас. Они тоже приносят из животных жертву Эрлику, Ызыку и Бурхану. Камлают над больным и заочно. Сойоты благоговейно почитают огонь, воду и горы. Они не пьют, не едят, прежде чем бросят из пищи в огонь, а из питья на воздух горным и водяным духам. Приносят на выкуп души тяжкого больного человека в жертву мясо и брагу злым духам.

Урянхайцы как видно из разговоров, мало интересуются или вовсе не интересуются вопросом о загробной жизни, потому что многие из них ничего не знают об ожидающей участи каждого там. Это объяснить можно отчасти тем, что они, трупы покойников совсем уничтожив посредством съедения волками и собаками, стараются и память о них уничтожить. Ведь знание загробной жизни воскрешает память и об умерших людях. Некоторые из них только

следующее знают об участи людей за гробом. «Когда умирает, — говорят они, — грешный человек, то душа его уходит прямо к сатане — Эрлику, который допрашивает ее о проведенной жизни на земле и о ее грехах. Между тем сатана, как владеющий даром всеведения, вперед все знает, что ею сделано. У него на груди висит золотая доска, вся исписанная грехами представившейся. После уличения в действительно содеянных ею грехах, она осуждается на вечную муку. Вот такого-то грешника тело и съедают собаки, ничего не оставив. Наоборот, чистая душа праведного человека по смерти сейчас же предстает на суд высшего Бурхана. Бурхан, ничего не нашедши в ней предосудительного, тут же приказывает ей переродиться в другого человека. Итак все чистые души получают у Бурхана новое бытие и новую жизнь. Они в эту жизнь тоже более не возвращаются, а остаются навсегда там, где им определил быть Бурхан. Трупы таких праведников съедают волки, оставив целыми кишки их в знак их чистоты». Вот повествование урянхайцев о загробной участи праведников и грешников.

Как смерть у урянхайцев сопровождается без всяких религиозных обрядов, кроме чтения ламой из книги, указывающей лишь место, куда бросить труп, так и свадебные обряды совершаются очень просто, без затей и разгулов, а так же и религиозных церемоний. Делается так. Родители сыну своему жениху еще с 7-ми лет находят невесту одного с ним возраста, назначив срок свадьбы вперед на 10 лет, т. е. когда исполнится обоим жениху и невесте по 17 лет. После этого родители жениха каждый год по два раза ездят с аракой к родителям невесты до самой свадьбы. Жених же не бывает у своей невесты. Невесте приводят родители жениха одну кобылу — ездить на ней и одну корову, пользоваться ее молоком. С наступлением времени свадьбы, родители жениха требуют выдачи им невесты, что и исполняется родителями невесты беспрекословно. Тогда родители невесты для своей дочери готовят особую юрту с убранством и обстановкой, а также корову и кобылу. Затем сложенную в кучу юрту со всеми ее принадлежностями и вместе с невестой на быках везут к жениху. Ее сопровождают кроме родителей и родственники. Со стороны жениха никого не бывает поезжан. Приехав на место, эти же поезжане и ставят невесте привезенную с

собой юрту рядом с юртой отца жениха и приводят обстановку ее внутри в порядок. После этого первой вводится в юрту невеста и усаживается на приготовленное для нее место. Только после этого приглашается войти в юрту жених, до того времени совершенно безучастно ходивший в стороне. С этого момента жених, имея теперь свою собственную юрту с хозяйством, уже считается совсем отделившимся человеком от своего отца. Устроив таким образом судьбу своих детей, сватовья каждые со своей стороны, устраивают угощения из араки и баранины. Но сойоты, сказать к их чести, не напиваются до безобразия и безумия, как это бывает у нас на свадьбах, а ограничиваются только 2-3 чашками с обеих сторон. После этого родители невесты с другими поезжанами уже разъезжаются по домам. С этого времени молодая не считает себя обязанною навещать своих родителей, таким образом иногда проходит год, два без их свидания. Итак в одно время, со дня своего соединения, молодые уже навсегда отделяются от своих родителей и заживают своей жизнью. Такова вся незатейливая свадьба урянхайцев.

До сего времени мы бывали в юртах только улусных лам и вели с ними знакомство. Теперь же, в заключение своей поездки по урянхайским степям той и другой стороной р. Кемчика и вниз по ней верст 100 слишком решились наконец удалиться еще дальше на юг к Буддийским Курям — монастырям, славившимся своим благоустройством и многолюдством. Там два монастыря, расположенных между собой в 5 верстах. От Кемчика до нижней Кури 37 верст по реке Чадану, на устье которого в первый раз оставили своих лошадей, наняв ехать в монастыри ломовую телегу с лошадьми. Это нам показалось, после продолжительной и утомительной верховой езды, лучше железной дороги и верхом счастья. Едущим с Кемчика приходится быть прежде в нижней малой Кури. В ней до 200 человек. Служба ежедневная продолжающаяся 2-2 $\frac{1}{2}$ часа. Мы избрали время быть в обоих монастырях во время их моления. В простодневных службах старшие ламы почти не участвуют. В этом монастыре колокол заменяет очень звонкая металлическая доска, висящая на отдельном от молельни, вроде колокольни, строении. Служат и молятся ламы все сидя. Поют хором все в один тон из буддийского евангелия горловым голосом. Голоса есть разные, смотря

по возрасту, толстые, средние и весьма тонкие. Этому пению время от времени вторят частые удары в 4 большие шаманские бубна, висящие тут же, играют в дудки, свистят, звенят в колокольчики, бьют в металлические тарелки и барабаны и проч. Все эти разногласные звуки, слившись в один общий гул, совершенно ошеломляют и оглушают непривычного человека. Делается жутко, неприятно от такого чисто адского шума. Они поют и играют на инструментах очень скоро. Вдруг обрывается все разом. Настает мертвая тишина. Это перерыв службы или отдых, во время которого допускается у них и разговор между собою и с посторонними посетителями. Один из близ стоящих к нам, старик с большими глазами и седыми

волосами, обратился ко мне с просьбой лекарства, и расспрашивал у нас, откуда и куда мы и по какому делу.

Уместно тут упомянуть о необходимости иметь с собой дорожную аптечку, потому что не только простой народ, но и ламы (сами врачуют) везде обращались к нам дать им от известной болезни лекарство. К счастью я имел от г. Усова целую шкатулку дорожной аптечки с рецептами на русском переводе. Этими лекарствами я прекрасно воспользовался в Урянхае.

Пение хором в монастыре очень походит на русские простонародные плясовые пения. В течение же перерыва они пьют чай из имеющихся у каждого за пазухой чашек. Чай приносит и наливает в чашки особый человек из кувшина. В это время из-за решетки (вроде нашего свечного шкафа), выходит наблюдающий за порядками лама в меховой шапке с верхом, похожим на петуший гребень, задний конец которого далеко ниже переднего, а в руках держит четырехгранную длинную палку, назначенную для наказания по спине и ногам непристойно ведущих себя во время моления из учеников. Он всех внимательно обводит пронизательным своим взором, после чего он снимает с себя меховую шубу без рукавов (вроде ротонды), покрытую темно-серой материей и кладет 3 земных поклона по направлению к передней стене с изображениями их богов и бурханов и опять садится на свое место за решеткой. Нижний монастырь сравнительно бедный, малолюдный, без кафедры для хамбубошко, отделка молельни и украшения самая простая. Напротив верхняя Куря очень многолюдная: в ней, кроме старших лам, до 500 человек. Тут резиденция и управление нойона с его чиновниками и старшего ламы «тарган-хамбо-келин-чамзу». Молельня в монастыре полукаменная, высокая с открытыми вверху окнами зимой и летом. Ее прежде всего украшают у передней стены кафедры старших лам или одного дяди нойона, который во время торжественной службы на ней восседает. Вышина кафедры 2 $\frac{1}{2}$ арш., потому на нее поднимаются лишь по лестнице. Кафедра очень красивой отделки, позолоченная.

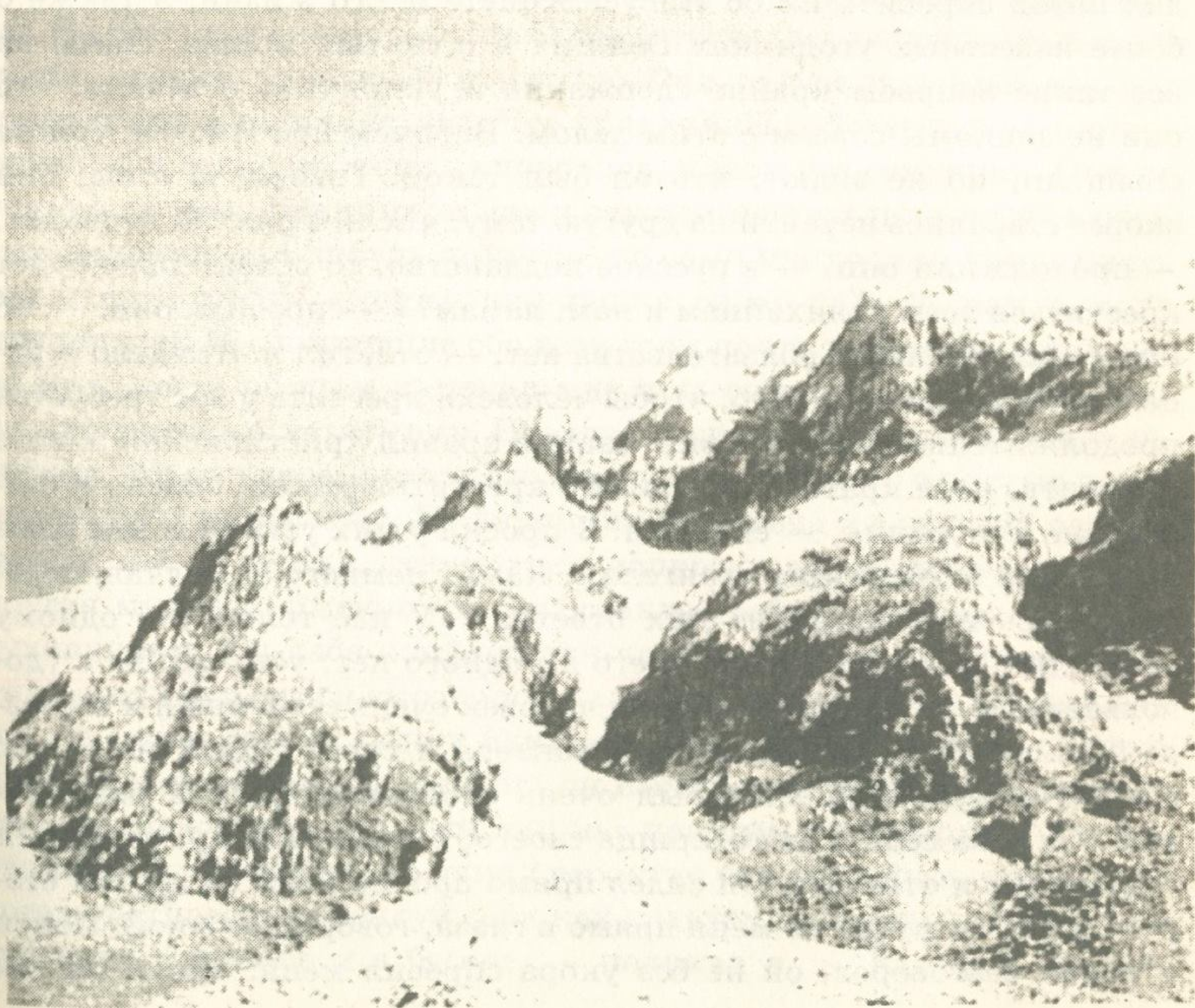
Верхний и нижний карнизы вырезные и тоже под золотом. С трех сторон по бокам изображение золотых львов с широко разинутой пастью. Их на каждой стороне по два. Для младших лам внизу

по обе стороны от кафедры расставлены особые скамейки для сидения во время службы. Когда приезжает сюда их «живой бог» геген, то кафедра эта ему уступается, а занимавший ее лама наряду с другими младшими ламами на скамейку же садится. Только за 5 дней до нашего приезда закончились торжественные службы, продолжавшиеся подряд 15 дней с утра до вечера. В это время вокруг всего храма у них бывают хождения с изображениями их богов или бурханов. Все эти религиозные празднества заканчиваются борьбой людей, разделенных на две партии. Последнему победителю даются ничтожные подарки. В заключение устраивают конские бега. С обеих сторон от кафедры налево и направо идут ряды шкафов, в которых под стеклом стоят позолоченные разных размеров бурханы и божки. Самые главные из них в золотых же коронах. Они носят названия: «Тайдыр-бурхан», «Саксар-бурхан», «Богда-лама» и т. д. Богда-ламой называется так же и богиня, имеющая 12 рук и висящая отдельно от других богов на стене. От двери до самой передней стены тянутся четыре ряда висячих колонн из шелковой материи с бахромами, узорами и лентами, не достигающих до полу на $1\frac{1}{2}$ аршина. На потолке молельни земли нет, окошки вверху, как сказано уже выше, открыты, печей нет, поэтому зимой служат только в теплых одеждах. Полов тоже нет, поэтому в молельне ужасно копотно, пыльно и, при затворенной двери, очень темно. У каждого ламы в свободное от богослужения время книги завертываются в особую обертку и тут же у кафедры складываются на лавке до прихода владельца. Горят лампы перед каждым изображением. В лампу наливают коровье масло, молоко и чай. Наверху под потолком кругом ходы за перилами, вроде наших хоров. Больше нечего описывать. Ученики в этом монастыре все взрослые, от 20 и выше лет. Они учатся в течение 6 лет. Монастыри содержатся на счет волостей и родителей учеников. Никто из лам и монастырских служителей жалованья не получают. Ежегодный расход этого монастыря простирается до 5000 р. Все ламы и ученики живут в юртах, построенных в нескольких отдельных деревянных оградах. Весь день живут они на одном чаю без прикуски, лишь приправленном солью и молоком. Только к вечеру им немного отпускают мяса. Несмотря на это и на замкнутую жизнь, все ученики, на вид свежи

и здоровы. Поступление в монастырь и уход из него не обязательны, поэтому кто когда хочет приходит и уходит. Всего каких-нибудь 50-60 саж, от юрты хамбу-сали до их храма, но он ездит в него служить в повозке весьма красивой отделки и легкоходной. Он не живет на одном месте подолгу, а постоянно разъезжает по другим монастырям и живет в каждом, сколько ему надо.

Пока мы осматривали эту молельню и слушали их службу, о нас уже доложили этому главному их ламе «хамбу-тарган-келин-чамзу». Докладчик сказал нам, что лама очень интересуется и рад видеть русского ламу, т. е. меня, русского священника, а потому ждет нас с удовольствием. Во все время путешествия мы не нуждались в переводчике, а потому и не имели его. Но в этот раз сочли необходимым для ясного объяснения со старшими, притом учеными ламами, иметь особого переводчика. По расспросам мы нашли такого отлично знающего и русский и урянхайский языки молодого человека, у которого отец был Минусинский купец — русский человек, а мать природная здешняя сойотка. Оба ламы «торган-хамбо келин-чамзу» и «тиба-комбо-колин-чамзу» встретили нас у двери своей юрты и усадили на верхнем конце лавки с красным тюфяком и ковром на полу под ногами. Оба ламы одеты в халаты до плеч без рукавов, перетянутые шарфами одного с халатами цвета. Оба выше среднего роста и хорошего телосложения. Один из них на вид около 55 лет, а другой моложе. Сейчас же предложили нам чай с молоком и русским печеньем, встретившимся в первый раз нами у урянхайцев. Кувшин с чаем тут же у маленького с печеньем столика поставили, рядом стоял и разливальщик чая. Затем старший лама предложил нам обычный у них вопрос: откуда мы и как проехали дорогу, благополучно ли, и как мы живем дома у себя. Все ли хозяйство и скотоводство благополучно и т. д. Это у них так принято при встрече незнакомого человека приветствовать. Ответив на все утвердительно, мы со своей стороны спросили их о том же. Оба эти ламы, как способные ученики, были вызваны на правительственный счет в Тибет (Тан-Гур), где проучились или пробыли с практикой 14 лет. Возвратившись оттуда на родину, они же и основали эти буддийские монастыри. «У вас принимают ли на казенный счет?» — спросили они. — «Принимают», — ответил я.

Монгольского языка и грамоты они вовсе не знают. Поэтому они мой билет, высланный из Улясутая на русско-монгольском языке, не могли прочитать. Они оба горизонтально написали на тибетском языке свое имя и звание, а также и о нас, что мы были у них. Попросили и меня написать и оставить им свой подробный адрес и все, что нужно знать про нас. Сан их соответствует сану нашего русского архимандрита. Они ничего не читают и не знают, кроме своего специального образования буддийского. Между тем врожденная любознательность и пытливость в каждом вопросе сказывается у них. Поэтому они почти забросали нас интересующими их вопросами о Монголии, России и Китае. Действительно, настоящее вре-

мя не для одного народа, но и для лам есть самое тревожное, с начала изгнания китайцев, при восстании Монголии против Китая, с каждым днем возрастающее. Ламы знают только одно, что отсюда угнали на войну 1000 человек и ныне опять повторяется набор и что с войны из Монголии двое солдат убежали и только. Им еще теперь желательно знать о взаимном отношении России с Монголией, т. е. в каких отношениях они находятся — в дружественном или враждебном. Дальнейшие вопросы лам были точь в точь такие же, что предложены были нам таргой Кембрелем на Алтае. Поэтому я их здесь пропускаю. Спросили они под конец и о том, знаем ли мы и слышали ли о Будде? Я сказал, что из истории его жизни мы знаем, кто он был и какие подвиги совершал, и какого он был происхождения. Такой вопрос с их стороны и мне дал повод спросить их об Иисусе Христе и Его жизни, а также о более известных угодниках Божиих и о святых мощах. Ламы на все такие вопросы крайне сдержанно и уклончиво отвечали, что они не знакомы совсем с этим делом. Впрочем про Иисуса Христа слышали, но не знают, кто он был такой. Говоря об этом, они скорее старались перейти на другую тему. «Если Урянхай перейдет, — продолжили они, — в русское подданство, то обязательно будет креститься всем урянхайцам и нам, ламам?» — спросили они. — «В крещении никакого обязательства нет, — ответил я. Это дело сердца и убеждения. Для того, чтобы человека крестить у нас требуется продолжительная подготовка, знание правил христианской жизни и молитв, хотя кратких. Насильно крестить грешно, опасно и бесполезно для души», — сказал я. Я просил у них уступить мне один экземпляр буддийского евангелия. Ламы, немного помолчав, переглянулись и старший из них ответил: «У нас только по одному евангелию на человека, лишнего ни одного нет: уступил бы с удовольствием». Старший лама был человек очень степенный и серьезный, в то же время мягкого характера и сдержанный на слова. Напротив младший лама был очень словоохотливый и находчивый. Он и за себя и за товарища своего, старшего ламу, успевал и спрашивал и отвечать. Он сидел прямо против меня на другой стороне юрты и, глядя на меня прямо в глаза, говорил со мной. Почти в конце разговоров, он не без укора спросил меня: «Если бы мы

приехали к вам русским, то они приняли бы нас? Пустили бы в свои дома и дали ли бы нам поесть?» Я хорошо понял смысл этих слов и намеков лама. Хитрый лама этим давал мне знать о том, с каким презрением относятся и русские и инородцы наши к сойотам, не разбирая ни состояния, ни чина — тарга ли, мерен ли или лама он. Сойоты начиная с самого Кемчика зимой и летом к нам и по русским деревням постоянно ездят, поэтому там и знакомых не мало, но брезгливое и чуждое отношение к ним наших русских и инородцев нисколько не изменяется. Они в самый трескучий мороз у нас приют находят или в скотских дворах, или в разбросанных развалинах. Что их наши действительно никогда не накормят и в свои теплые хаты не пускают, это общеизвестный факт о чем мне намекал этот, по-своему, ученый лама. Хотя он лично сам и не испытывал этого у нас, но слышать про это на каждом шагу мог он. На Кемчике с нами несколько раз встречались знающие не только наши деревни, но и людей поименно. Они-то и не скрывают все, что у нас видят и терпят от нас. Что урянхайцы действительно гостеприимнее и ласковее наших инородцев, в этом нет сомнения. Они не только ласково принимали нас и сажали на передние места юрты, еще подослав что-нибудь помягче, но сами приходили приглашать нас в свои юрты: «менын аил-дашка парар-ла?» (к нам в юрту приходите). Воспоминание обо всем этом почти молнией пробежало во мне, когда об этом намекал мне наш собеседник, так что я не вдруг нашелся ответить ему. Правда, и сойотов оправдывать нельзя, потому что они чересчур грязно ведут себя, а потому в чистые помещения их и не пускают. Но накормить человека и в грязной одежде можно бы. Я понял, что в этих вопросах лама заключалась и другая мысль, а именно: он сопоставлял себя с русским старшим духовником. Он таба-комбо-келин-чамзу, высшее почетное лицо, лицо среди буддистов высокопоставленное, уважаемое и чтимое всеми, на самом деле попади к нам, особенно между архимандритов и протоиереев, то, может ли быть он ими принят с таким же вниманием и уважением, с каким они нас принимают и кормят? Он конечно этого не сказал, но думал вероятно так. «Оденься почище, да поаккуратнее; рекомендуй себя как следует, вероятно и тебе бы не отказали в приеме и в беседе, — подумал я. — Кто как, но все-

таки, я знаю, у нас никому не отказывают от приема и пищи, особенно знакомым. Хотя бы вы теперь к нам приехали; уже ли я вас не приму, зная хорошо вас и ваше положение. А то, правда, почему знаешь, откуда и кто он такой?» — сказал я. «Так, так. Мы знакомы с вами, поэтому я в вас не сомневаюсь», — сказал он.

Спрашивали они, как называется наш «геген», т. е. епископ, и как одевается во время служения. Мы объяснили им, а более подробно о митре. «Шапку и мы носим», — сказал старший лама. По его приказанию сейчас же принесли из молельни уже виденную нами на ламе шапку. Но эта отличалась от той и чистотой, и пышностью отделки, но форма одна. «Кто-то у вас называется «абыс». Мне помнится, что у вас такое имя есть?» — спросил старший Хамбо. Я указал на себя. Когда я им сказал, что у нас епископ иначе называется еще и архиереем, то старший лама усмехнулся, «какое странное название», — удивился он. И сколько ни ломал он свой язык, высказать слово «архиерей» не мог. Любопытствовали они, чем мы наказываем провинившихся учеников. Я объяснил. «На колени и мы ставим, но только на песке. Еще у нас бьют палкой по спине и ногам (мы видели ее в молельне)», — сказали они.

Юрта хамбо была средней чистоты. Передняя ее часть уставлена была изображениями их богов. Обращение лам с нами очень похвально. С ними провели мы не менее двух часов. В это время старший лама собирался ехать в Ча Куль по вызову комиссара Церерина, поэтому и мы поспешили проститься с гостеприимными хозяевами. При прощании я благодарил их за добрый прием и приятную беседу. Они нас проводили опять до двери юрты и приветливо расстались с нами. По приказанию хамбу-бошко нас приняли в юрту нойона, уехавшего, как уже выше сказано было, в Монголию к богдыхану с донесением о здешних событиях. Ему только 21 год от роду. В юрте нойона образцовая чистота. Как и везде, у передней стены на почетном месте маленькое изображение идола под стеклом. По сторонам его тоже в рамках и под стеклом портреты молодого монгольского богдыхана и «живого бога» гегена. Дальше на отдельном столике русский будильник и другие китайские вещи. Тюфяки, ковры и вся обстановка были в порядке и

чисто убраны. При появлении нашем, все чиновники из управления пришли сюда. Их 5 чел.; все они праздно ходят. Все они молодые и очень рослые, со стеклянными шариками на шапках. Осмотрев юрту нойона и поговорив немного, мы все с этими чиновниками пошли в управление нойона. Юрта довольно опрятная. У передней стены юрты низкий, узкий и продолговатый столик, на котором, сидя, исполняют писцы все дело Урянхайского пограничного округа. Тут никаких канцелярских принадлежностей не видеть. Ни чернильниц, ни бумаг, ни книг и прочих вещей, напоминающих канцелярию, тем более нойона, ничего нет! О нашем пребывании здесь написать едва нашли какую-то красную оберточную

бумагу и написали по-монгольски вертикально, т. е. сверху вниз. Здесь пишут гораздо бойче лам, которые долго выводили буквы и то на нашей же бумаге за неимением своей. На шкафчиках у той же стены изображения их божков и другие портреты живых людей, кроме портретов монгольского богдыхана и гегена. Подали нам чаю с молоком, но без прикуски. Предлагали и зажженную трубку с табаком. Все эти молодые чиновники оказались очень веселые и разговорчивые. Говорили мы с ними про войну Монголии с Китаем. «Кыдат слерди согорла» (Китай вас поколотит», — шутил я. «Орус улус писке чам ту-ру, пис Кыдаты могодор» (русские нам благоволят, поэтому мы сами китайцев дойдем), — возражали они.

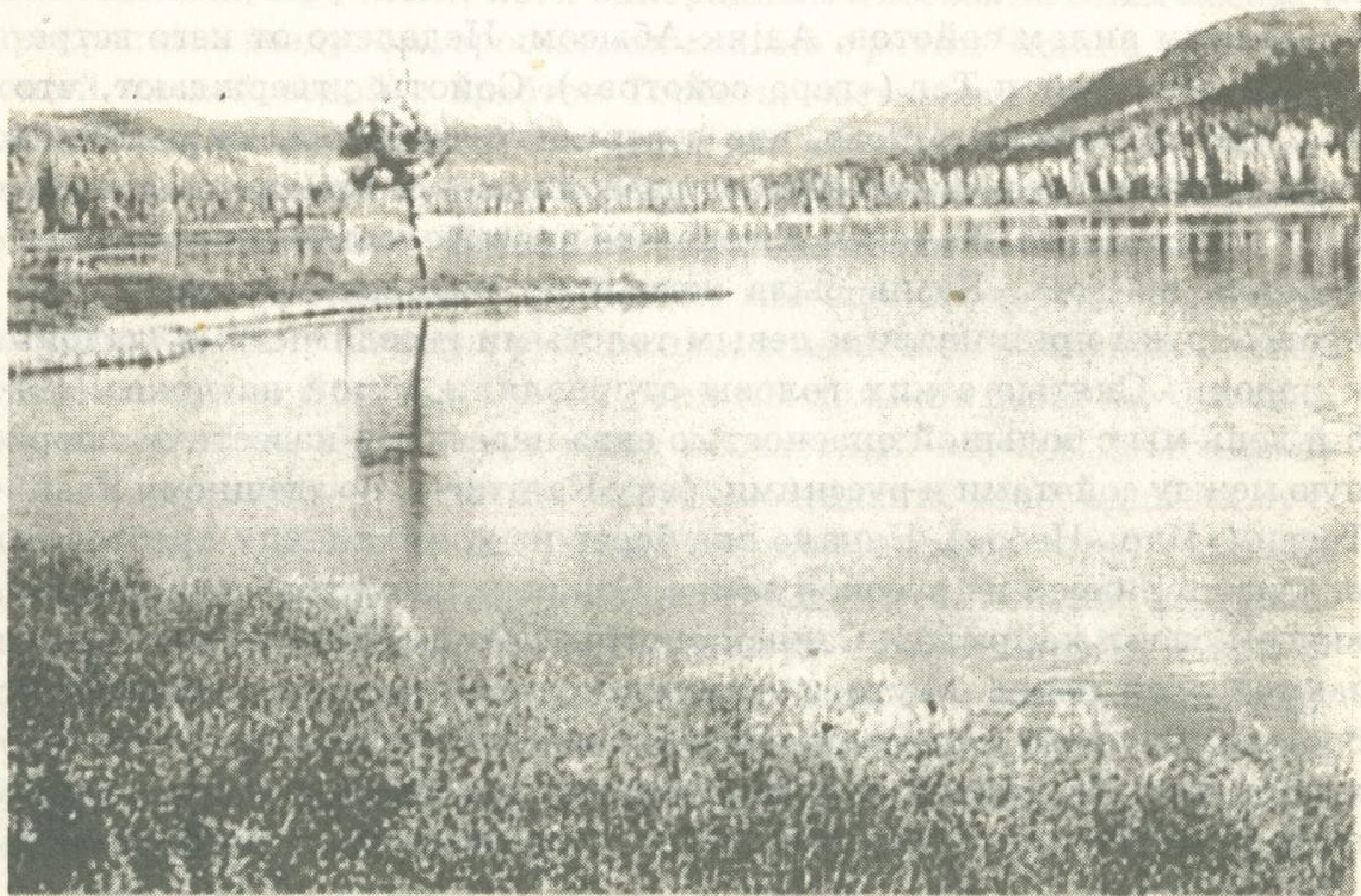
Рядом с управлением стоит выше упомянутый памятник умершему нойону, отцу настоящего нойона. Памятник в квадрате 4 арш., глухой. Огорожен деревянной оградой в две жерди. Обширная площадь с расположенными на ней монастырскими строениями, симметрично разбросанными в полукруг нойонскими юртами и четырьмя монастырскими заставами, состоящими из четырех высоких составленных столбов с какой-то фигурой вверху, — кругом окаймленная стройным, хотя однородным лиственничным лесом, с прекрасным воздухом, орошаемая влагою с речки Чадина, протекающей чистой водой с хребтов Торбета, составляет просто земной рай. Ламы умело выбрали это место для своей кури. Вверху памятника сделано вроде купола, внутри которого изображение бурхана в стоячем положении. Верх памятника выбелен белой глиной.

Приехав обратно на Усть-Чадан, мы еще 25 верст спустились вниз по Кемчику до устья р. Ишкина, впадающей в Кемчик с левой стороны прямо с севера. С этой реки мы должны были начать свой обратный путь. Но нас тут ждал несчастный случай. Мы еще не успели переехать р. Кемчик, вдруг неожиданно пала одна из лучших лошадей наших на арендуемой земле Минусинского мещанина М.И.Бякова. Трудно описать наше отчаянное положение и огорчение, причиненное нам этим несчастьем на чужой стороне, разделяющей нас более чем на 500 верст, чрез белки, от дома! Без надежного коня ехать опять чрез те же страшные таскылы, бомы, уроники, бешеные реки, под дождем, и часто и под снегом и проч. — не мало было риску. Лошадь пала подо мною. Это было 28 июля. Обратный

наш путь пролегал чрез Саянские горы прямо на Абаканский железный завод, ниже переднего нашего пути на 125 верст. Проводника на Кемчик наняли с конем под меня. Без проводника нечего было и думать пуститься в этот далекий, опасный и незнакомый путь.

В первый же день по выезде с Кемчика мы взбирались на одну чрезвычайно высокую гору Кор-Тайга («смотри, тайга»). С нее мы снова разглядели по обе стороны Кемчика все те места и заведения, где только что побывали. Красиво и величественно тянулась урянхайская степь вдоль по Кемчику по обе его стороны. Извилины Кемчика вверх и вниз далеко виднелись. Прощаясь, может быть, в последний раз, с таким чудным видом понравившегося нам Урянхая, мы не без тоски скрылись с этого места. Гора Кор-Тайга тянется верст на 60, и по ней мы ехали целых два дня, и провели мучительную ночь на ее гриве. С нее спустились на прекрасную долину небольшой реки Ур («наливай»), но очень холодную. Тут все лето инеи падают. Скотоводство процветает. Тут мы у Кайбальцев трех детей окрестили. Несколько из Усовских картин оставил я здесь. На третий день мы по выезде с Кемчика распростились с последним аилом сойотов, Адияк-Абысом. Недалеко от него встречается гора Сойон-Таг («гора сойотов»). Сойоты утверждают, что она так называется оттого, что в вертепах этой горы скрывались некогда 60 человек урянхайских разбойников и отсюда делали набеги на весь край. Наконец Китайское правительство переловило и казнило их всех. Казнь была жестокая, невиданная доселе. Им правые руки пришивали к левым толстыми гвоздями, т. е. ладонь к ладони. Снятые с них головы отправляли домой на показ. На 6-й день мы с большой опасностью едва переехали известную спорную между сойотами и русскими, реку Кантигир, по здешнему Каан-Тегри («Царь-Небо»). Начало она берет из урянхайских хребтов, а впадает в Енисей на русской земле. Эта река славится изобилием и вкусом своих хайрюзов. Саянские горы с этой стороны сразу отрываются этой рекой круто и обрывисто, поэтому нам пришлось с брода на эту гору карабкаться сразу же. Этот подъем на Саянский хребет сначала крутой, а потом пологий, но очень продолжительный. Знаменитый Саянский хребет, называемый по инородчески

«Сабин-Сыны», составляет разделение двух государств — Российского и Китайского и двух губерний — Томской и Енисейской. Два высоких кургана. В один из них новый столб поставлен и покрашен только в 1911 г. русскими землемерами. Надписи обращены каждая на свою сторону: «Русская Империя», «Китайская Империя», «Томская губерния», «Енисейская губерния». Рядом во втором кургане стоит другой столб с отметкой 1845 года. Отсюда склон на нашу сторону идет. Из этого хребта берет свое начало река Чадан, впадающая в р. Чабашь в 8 верстах от Абаканского железного завода. Эта река должна была привести нас домой. По ней мы 51 брод переехали. Итак мы в последний раз стояли на такой высоте,

откуда сразу открываются на все стороны очаровательные виды волнующихся кругом на бесконечную даль гор двух Великих Империй. От Кемчика домой приехали благополучно на 10-й день. Обратный путь безопаснее и короче.

В заключение считаю нужным сделать общий обзор местностей, населенных горными сойотами. От Кемчика в горы сойотские населения простираются на 70-80 верст. Они расположены по рекам по сю сторону Кемчика: Ишкину, Ак-Сугу, большому и малому Аласу, Куньделену и около Кара-Куль. На земле русского владения никого нет из сойотов, хотя некоторые айлы от него не особенно далеки. В общем урянхайцы (Урянхай, — значит — черные волки, потому что этот хищный, неизвестно откуда попавший сюда народ, перовоначально ужасно опустошал монгольский, тербетский и даже калмыцкий края) все склонны креститься. Об этом толков много. Один урянхаец за Кемчиком по Чадану горячо рассуждал и уверял нас, что он нынешней же зимой непременно придет к нам с женой (детей нет, беден; я был у него в юрте) и, окрестившись, останется у нас же жить. Пожалуй простодушному урянхайцу можно и поверить. Он не киргиз, хитрить и льстить не умеет, да и не к чему. Для обозренного мною края, священник и школа необходимы, а то наездом делу пользы мало принесешь; обращать их в православие без постоянного там священника бесполезно и даже опасно. Русских торговцев в двух участках до 30 семей; они не бедны, много могут помогать к учреждению миссионерского стана. Стан должен быть на прекрасном устье р. Чадана, окруженном русскими заведениями. Русский священник здесь не годится. Отсюда до Уса еще 200 верст. Священник оттуда не ездит за обширностью и многолюдством своего района. Если бы он хотя и поехал, то только для русских, а до сойотов ему и дела нет. В эту поездку крещено детей православных родителей вместе с сойотскими 23 чел. об. пола. По дороге две литургии совершены. Но за то домой приехали совершенно с расстроенным здоровьем. Ноги не гнулись, пухнули и проч. Ревматизм давал себя чувствовать.

Содержание

Предисловие 5

Поездка Матурского священника
в Урянхайский край в 1913 году 22

